

Сергей Бурлаченко

ВОЛШЕБНЫЙ ДОМ

роман — предположение

«Если бы вечный странник пустился в путь в каком-либо направлении, он смог бы убедиться по прошествии веков, что те же книги повторяются в том же беспорядке (который, будучи повторённым, становится порядком — Порядком). Эта изящная надежда скрашивает моё одиночество».

**Хорхе Луис Борхес,
«Вавилонская
библиотека».**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВЕЛИКИЙ ОБМАН

МАЛЕНЬКИЙ НЕГОДЯЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ КРИСТАЛЛ

Древние люди верили в сказки. В них герой стремился проникнуть за пределы обыденного мира. Он воевал и умирал в надежде достичь вершины Олимпа и стать богом. В эпоху мифов и титанов Геракл совершал подвиги, чтобы доказать свою избранность. Он нарушал порядок, заповеданный богами, бился один на один с чудовищами и соперничал с царями, надеясь стать одиноким и бессмертным, как бог.

Александр Македонский не боялся одиночества среди многотысячной разноплеменной армии, которую в IV веке до Рождества Христова вёл в поход на Вавилонское царство. Ледяными азиатскими ночами, когда храбрые гоплиты — македоняне, греки и фессалийцы крепко спали, сняв льняные панцири и укрывшись толстыми плащами из шерсти верблюдов, он, как лунатик, бродил среди шатров и жадно вглядывался в звёзды. Его гетайры мечтали завоевать весь известный им дохристианский мир, а Александр хотел сравняться могуществом с тем, кто породил Вселенную. Он догадывался, что истина заключается во владении не только Пространством, но и Временем.

Бриллиантовая звёздная пыль в чёрном небе над Месопотамией гипнотизировала двадцатипятилетнего полководца и влекла его в страну одиноких богов.

В 1791 году бежавший из Парижа Людовик XVI был схвачен якобинцами в Варенне. Служащий почтовой станции Друз узнал переодетого короля благодаря его портрету, отчеканенному на монете. Национальный Конвент приговорил Людовика к смерти и ему отрубили голову. Трагедия избранничества и одиночества, пропитанная кровью короля, стала анекдотом.

Геракл, Александр Македонский и Людовик XVI продлевали Время, распиная себя на его жерновах и впечатываясь в него коренастыми фигурами, пращами и палицами, неистовыми Буцефалами, золотыми дисками луидоров. Их манила сказочная и смертельно опасная страна. Современному человеку не нужен путь в царство богов и героев. Тайком он мечтает остановить Время и погрузиться в болото уютного и безопасного однообразия. Сказка и великая мечта выродились в тупую компьютерную игру, где жизнь игрока зависит от выдумки ловкача-программиста. Чем предсказуемей ведёт себя игрок, чем он обыкновенней и послушней, тем он удачливей и безупречней. Люди хотят стать такими же заурядными обывателями, как члены

компьютерной семейки Симсов, нарисовать такой же заурядный, как у Симсов, виртуальный дом на мониторе IBM, обустроить это капище и слиться с миллионами Симсов, заменивших бой с Лернейской Гидрой, царём Дарием и опьяневшей от вседозволенности чернью щёлканьем пальцев по клавиатуре. Время сыграло с человеком злую шутку. Смысл шутки заключался в том, что в ней не осталось более ничего смешного, от которого был один шаг до великого. Анекдот стал мелок и пошл. Обыватель надругался над героем. Герой легко уязвим. Он наивен, как дитя, и незащищен перед мировой пошлостью. Заурядный человек расчётлив и незаметен, в этом его сила. Его нельзя выделить из толпы. Он утратил лицо, тщательно растоптав свою индивидуальность. Он безлик в море однообразной многоликости. Ему стало недоступно божественное одиночество, сладкая мука одоления своей ограниченности и храброго погружения в Космос, не имеющий границ. Не страшись гибели, герои делали Время тёплым наощупь и живым. Сбившись в однородную кучу, уповая на купленный за послушание гомеостаз, однажды мы заморозим и умертвим Время. Если, конечно, с нами не случится какого-нибудь чуда. Если нам на выручку не придут герои, которых мы считаем детьми.

Да, грустная погода навевает грустные мысли. С утра зарядил дождь. Над Москвой повисла угрюмая туча. Её пригнал северо-западный ветер, пахнувший лесом и речной водой. Город потемнел и как будто сжался. Автомобили убавили скорость и словно по команде сбились в многокилометровые пробки. Памятник космонавту Юрию Гагарину, карикатурно торчащий над площадью и в солнечные дни веселящий москвичей своим нелепым видом и исполинскими размерами, в сером дождливом облаке стал похож на жуткого огромного таракана, в изумлении застывшего на одной лапе. Другие, очевидно, были уже кем-то откушены.

Микроавтобус «форд» серебристого цвета послушно замер в веренице машин, уткнувшихся в выезд на Профсоюзную улицу. В салоне автобуса было душно и пахло мёртвыми цветами. Женщина лет сорока, одетая в хлопчатобумажную широкую красную юбку и льняной бесцветный жакет, торопливо набирала один и тот же номер на мобильном телефоне, подносила трубку к влажному, похожему на раздавленный пельмень уху, и долго слушала пустые гудки.

— Где эта Остроградская? — раздражённо говорила женщина жирным неприятным голосом и дёргала за подол юбки, словно хотела выдрать оттуда невидимую помеху. — Почему директора

детского дома нет на месте в рабочее время? Где её черти носят?

Диль сидел справа от женщины и, вжавшись лбом в стекло, рассматривал улицу. Лоснящаяся мостовая напоминала ему море, а прохожие под зонтами — скользящих по чёрной воде медуз. Мальчику почему-то было жаль и это ненастоящее море, и этих суетливых плавунцов. Диль давно уже заметил беспричинную жалость, то и дело возникавшую где-то под сердцем и робко карабкавшуюся по горлу к переносице и глазам. Конечно, Диль легко мог управлять своими эмоциями. Этому учили в Академии Реконструкторов. «Реконструктор, не способный управлять своими чувствами, мертвец, — говорил Наставник и поднимал ладонь. — Или почти мертвец. Лига Стабильности боится реконструкторов и прежде всего охотится за теми из них, кто сентиментален. Чувства делают нас слабыми. Слабость ведёт к послушанию. А послушными очень легко управлять. Подтолкнуть их к ошибкам, ловушкам и гибели. Сентиментальность — это верная смерть».

Но чем дольше мальчик жил в этом нелепом городе, тем чаще забывал предостережение Наставника. То, что он видел и пытался понять, смущало его и иногда пугало. Диль ловил себя на том, что ему очень часто хочется расплакаться или

крепко зажмуриться, чтобы укрыться в искусственной темноте, как это делают малыши. Так же, как и сейчас. «Сантименты», — беззвучно прошептал мальчик и закрыл глаза.

«Форд» фыркнул и наконец-то покатиł вперед. Женщина убрала мобильник в сумочку и посмотрела на мальчика. Её тринадцатилетний спутник, коротко стриженный худющий подросток, не шевелился. Казалось, что мальчик безмятежно спал. Это было странно. Все сироты, которых направляли в детский дом «Башня счастья», очень переживали, плакали, а некоторые беспомощно хамили, царапались и, бывало, набрасывались с кулаками на сопровождающих. Нервы есть у всех живых существ, даже у рыбок в аквариуме, что уж говорить про этих оборвашек. А худой подросток спокойно дрых, словно происходящее его не касалось. Эгоист! Мерзавец!

Звали женщину Майя Сизифовна Кожан. Как заведующая муниципальным отделом опеки и попечительства она занималась сиротами, детьми-отказниками, их усыновителями, регулярно посещала суды и заседания комиссии по делам несовершеннолетних. Работу свою она ненавидела, но давно уже научилась скрывать ненависть за гримасой озабоченности. Все её коллеги тоже постоянно выглядели озабоченными. Видимо, они втайне так же ненавидели свою опекунскую

деятельность. Женщины-чиновницы ходили на многочисленные собрания и совещания, писали горы отчётов, хлопотали о чужих детях, ругались с пьющими, хамоватыми родителями и вечно жаловались друг другу, что за всей этой чехардой не остаётся времени на собственные семьи, своих детей и личную жизнь. Мужья изменяли, стареющие родители болели, дети забрасывали учёбу, сосед из квартиры напротив норовил прижать в лифте и говорил пошлости. Все женщины курили и многие, кажется, выпивали. В общем, они подзревали, что жизнь прошла мимо. Бумажные отчёты росли, власть принимала какие-то нелепые программы по борьбе с сиротством, начальство нагоняло страху, но брошенных детей становилось всё больше. Идиотская, никому не нужная работа отупляла. Результаты этой работы были мизерные.

Мая Сизифовна ещё раз посмотрела на спящего мальчика. Чёрт возьми, если бы у неё вырос такой равнодушный сын, такой тупица, она бы его удавила собственными руками! Она еле удержалась, чтобы не треснуть подростка по худой, похожей на куриную ногу, шее.

— Чего уставились? — внезапно сказал парнишка. — Дырку прожжёте.

— Спишь? — как можно равнодушной спросила женщина. И про себя добавила:

«Сучонок!»

Диль знал, что до детского дома, расположенного где-то в подмосковном захолустье, ехать около часа. Что ж, можно развеять скуку. Он выпрямился, откашлялся и задумчиво сказал:

— Вы сегодня такая красивая, Майя Сизифовна. В Средние века палачи перед казнью всегда надевали чистое бельё и свежие красные балахоны. Убийца должен был быть элегантен и чистоплотен. Странное совпадение, вы не находите?

Женщина ощутила неприятный холодок в затылке. То, что она услышала, не столько оскорбило, сколько насторожило её. Сучонок хамил, причём, искусно и нагло. Кожан не привыкла к сложным иезуитским приёмам в общении, тем более с детьми. На работе все давно уже говорили, не задумываясь над смыслом слов, тараторили, как автоматы, не слушая ни себя, ни собеседника. Привычка отстраняться друг от друга была спасением от лишних мыслей. Эта маскировка помогала казаться неприступной и жёсткой. Подчинённые её боялись, посетители отделения робели и становились послушными. Но так было на работе. А сейчас мальчик-сирота провоцировал её на откровенность, и в глазах его мерцала насмешка. Он как будто знал, что тётя лишь разыгрывает строгость. А на самом деле избегает контакта, не

желая быть застигнутой врасплох. Не хочет, чтобы её застукали, как старшеклассницу за куревом в туалете, и стали тыкать пальцем: «Вот, оказывается, какая ты на самом деле, Кожан. А прикидываешься паинькой. Катись отсюда быстро, фуфло!» Холодок от затылка сполз на спину. Неужели я трушу, удивилась Майя Сизифовна? Почему? Кого? Этого с куриной шеей? Ладно, не на ту напал, сопляк!

Женщина откинулась на спинку сиденья и сказала твёрдо и резко, так, как хозяйева одёргивают расшалившихся собачонок:

— Сядь прилично, Мухин! Это во-первых. Перестань ухмыляться — это во-вторых. И в-третьих — не смей хамить мне. Держи себя в руках. Тут тебе не Три вокзала и не бомжатник с наркошами. Будешь хорошим мальчиком, Гриша — я тебя не трону.

— Вы чего-то боитесь?

— Что ты городишь?

— Угрожаете, это раз. Отвечаете вопросом на вопрос, это два. Зрачки расширены, это три. Налицо все признаки внезапного испуга.

— Не забывайся, Мухин! Пересядь в конец автобуса!

Мальчик не двинулся с места. Он просто отвернулся и стал смотреть в окно, которое мыл серый, плотный дождь.

— Ты меня не понял, мальчик?

— Вы же очень хотите со мной поговорить, — сказал подросток. — Не сдерживайте себя. Я не скажу вам ничего страшного. Мне тоже очень интересно побеседовать с вами по душам. Мне почему-то кажется, что вы не верите в то, что я сирота. По-моему, вы вообще мало кому верите. По-моему, вы очень одинокая и очень уставшая женщина. Жизнь несправедлива к вам. Но это только потому, что вы несправедливы к себе сами. У вас всё перепуталось, как нитки в кармане старого пиджака.

Кожан показалось, что всё настоящее происходит не с ней. То, что говорил этот тринадцатилетний сопляк, не лезло ни в какие рамки. Ещё чудовищней было то, что ей хотелось, чтобы он продолжал болтать дальше. В его ломком, негромком голосе была какая-то магия, сладкая убаюкивающая теплота. Мальчишка словно видел чиновницу насквозь, улавливал, что творится у неё внутри, и мягко предлагал выпустить это наружу. Она почувствовала, что разоткровенничается сейчас: это было рискованно и в то же время — жутко соблазнительно. Вроде как выкурить запретную сигарету в школьном туалете. Этого не могло быть — но так оно и было.

Наконец, женщина поддалась искушению и приняла решение не избегать диалога с мальчиком.

— Лёня, включи радио, — попросила она

водителя. Лёня пошелестел радиостанциями, и в салоне загремел джаз-банд. Майя Сизифовна пересела на сиденье к мальчику и тихо, но строго сказала:

— Я тебя слушаю, Мухин. Так что там насчёт палача?

Наставник предостерегал Диля от психологических игр с чиновниками. Эти люди могли сделать очень странный вывод из услышанного и увиденного и натворить глупостей. Тогда задача, стоящая перед Дилем, могла усложниться. Но мальчика будоражила непредсказуемость. Дело было не в риске провалить «Миссию». Диль заметил, что обитатели города, обескураженные вопросом или внезапным поступком, часто теряли контроль над собой и становились искренними. Диля, в общем-то, не интересовали искренность и правда о собеседниках. Его увлекало конструирование логических цепочек, концы которых незаметно для собеседников всаживались в их души наподобие гарпуна. Дёргая за эти цепочки, потом можно было управлять живыми людьми, как марионетками. Это забавляло Диля, хотя и было жестоко. Что поделаешь, дети часто бывают бессознательно подлы и жестоки.

Диль вынул из кармана джинсов чёрный бархатный браслет. Наглухо застегнув его на правой кисти, мальчик протянул руку к женщине.

Кожан увидела вшитый в браслет кристалл — размером с рублёвую монету, холодной бирюзовой воды, переливающийся десятком причудливых граней.

— Посмотрите внимательно на этот камень, пожалуйста!

— Что это такое?

— Неважно. Долго объяснять. Вам нравится, как он выглядит?

— Не знаю. Красивая побрякушка... У него какое-то странное, гипнотическое свечение. Откуда он у тебя?

— Нашёл случайно, — соврал мальчик. — Это опасная побрякушка. Как действует, мне неизвестно. Знающие люди утверждают, что у некоторых минералов есть душа. Она может вступать в диалог с душой любого живого существа. Если, конечно, захочет. Так вот, этот камень — говорящий. Если вы его попросите, он ответит вам на ваш вопрос. Только объясните сначала, чем вас так задела моя шутка про красную одежду палача? Я не имел в виду ничего плохого. Просто бывают случайные совпадения, от нас никак не зависящие, но впоследствии заставляющие людей зависеть от них. Я подумал, что вы можете попасть под дурное влияние случая и растеряться. И хотел вас об этом предупредить. Praemonitus praemunitus.

— Это что?

— Латынь. «Предупреждён — значит вооружён».

Кожан разозлилась:

— Мухин, ты что, сошел с ума? За кого ты меня принимаешь, бродяжка? Дай сюда эту стекляшку и... и не пудри мне мозги!

Мальчик прикрыл браслет ладонью левой руки и спокойно сказал:

— Вы очень хотите со мной поговорить, Майя Сизифовна. Но вам что-то мешает. Помеху легко устранить. Вам кажется, что вы попали в идиотскую ситуацию, но вы ошибаетесь. Ситуация самая обыкновенная, вроде случайного столкновения двух прохожих на пешеходном переходе. Перестаньте об этом думать, и всё. Я — это я, вы — это вы, мы свободны и независимы друг от друга, как два пешехода или как падающие на землю по разным траекториям капли дождя. Дождь сам по себе случаен, он всего лишь бессмысленное совпадение нескольких метеорологических условий. Он кончится так же внезапно, как начался. Но совпадение, случай — это ещё не история. А людей связывают друг с другом только истории. Они могут длиться столько, сколько им заблагорассудится. Даже быть бесконечными. И не такими безобидными, как летний ливень. Но никакой истории пока нет, она

ещё не началась. Вам не о чем беспокоиться, Майя Сизифовна. Я готов ответить на любой ваш вопрос. Я даже хочу помочь вам совершить разумный выбор: удовольствоваться случаем или влипнуть в историю. По-моему, заманчивое предложение?

Диль давно замолчал, а Кожан казалось, что она всё ещё слышит его ломкий, завораживающий своей беззащитностью голос. Сочетание этой детской хрупкости и невесть откуда взявшегося менторства («докторальный» голос, почему-то вспомнила Кожан неприятный эпитет, часто употребляемый Горьким в одном из своих романов), обезоруживало. Женщина по-лошадиному тряхнула головой, словно избавляясь от наваждения, и неожиданно для самой себя сказала:

— Как ты мне надоел, Мухин. Господи, как вы все мне надоели!

Микроавтобус уже выскочил из города и летел по Калужскому шоссе в сторону области. В серой дождливой пелене, окутавшей пространство, казалось, притаилось какое-то чудовище. Холмы и поля, испачканные приземистыми домиками, глухими заборами и куцыми рощами из калечных деревьев, были его брюхом, хребтом и лапами с когтями в виде ржавых труб. Чудовище влезло в этот мир, осмотрелось и замерло, изготовившись к атаке. Так они и застыли друг перед другом: мир,

напуганный внезапным гостем, и гость, стерегущий жертву. Дождь заливал эту безмолвную картину прозрачной желеобразной массой, как биолог заливает спиртовым раствором экземпляры животного мира для кунсткамеры. День, не обещавший поначалу никаких неприятностей, мирно начавшийся с обычной поездки в детский дом с сиротой, определённым туда на проживание, на глазах портился. Кожан не могла отделаться от предчувствия, что дальше будет ещё хуже. Подросток с бирюзовым камешком был всему виной, женщина вдруг ясно это осознала. Теперь надо было что-то делать. Но самое загадочное заключалось в том, что делать ничего не хотелось. Заведующая отделом опеки утратила волю и вообще всякое желание сопротивляться, словно тоже попала в пробирку с дурманящим раствором. Она потёрла лоб и сказала, не узнавая своего пустого голоса:

— Мухин, я ничего не понимаю. Мне душно, сделай что-нибудь, ради бога.

— Закройте глаза и расслабьтесь. Сейчас всё будет хорошо, духота пройдёт. Вы устали, Майя Сизифовна, вам не следовало сегодня никуда ездить. Но работа есть работа, я понимаю. Вас расстроил дождь, он сегодня такой бесцеремонный. Перестаньте думать о нём, о своей работе, обо мне — и ваша тревога улетучится и дышать станет

легче.

— И ещё этот запах мёртвых цветов. Такой мучительный и навязчивый, — прошептала женщина. — Прогони его, если можешь.

Диль кивнул. Женщина облегчённо вздохнула, сбросила туфли, по-детски свернулась калачиком на сиденье, зевнула и закрыла глаза. Через минуту она спала. Лицо её посветлело и на губах появилась невесомая улыбка.

Диль прислушался. Равномерно урчал двигатель машины, пело радио, водитель кукольно покачивался за баранкой. Мокрый туман за окном сгустился, серые облака плотно облепили автобус и «форд» утонул в безжизненном дымчатом киселе. Вокруг ничего не было видно. Исчезли, как будто и не существовали вовсе, домики вдоль шоссе, заборы, трубы, сама асфальтовая дорога с белой разделительной полосой. Диль приблизил к своему лицу браслет и прошептал одними губами:

— Гэх ора ук оро ий.

По кристаллу пробежала дрожь, камень словно подмигнул и повернулся на другой бок. На самом деле, у него всего лишь изменился цвет одной грани. Из ярко-бирюзовой она стала золотистой, потом оранжевой, а потом, набирая красных оттенков, вспыхнула малиновым и, в конце концов, бордово-свекольным цветом. Мальчик неотрывно следил за игрой света. Он явно что-то

видел в глубине кристалла и одновременно читал какие-то важные знаки на менявшей цвет грани. Лицо у мальчишки неприятно изменилось. Нос заострился, губы побелели, взгляд стал жёстким и холодным. То, что он увидел, ему явно не понравилось. Показалось то ли смешным, то ли малозначимым. Он хмыкнул и разочарованно покачал головой.

— Палачом ты был фиговым, Руди, — усмехнулся Диль. — Неуверенным в себе и истеричным, как сорокалетняя баба.

Подросток ещё раз что-то шепнул кристаллу и опустил руку.

Ровно через минуту Кожан проснулась. Подросток-сирота сидел, уткнувшись лбом в стекло, и, наверное, дремал. Во всяком случае, глаза у него были закрыты. Значит, сучонок не видел, как её сморил внезапный сон. Запах мёртвых цветов исчез, теперь в салоне дышалось легко, ноздри приятно возбуждал свежий морской аромат. Женщина быстро села, нащупала под сиденьем туфли, скользнула в них ногами, поправила причёску и достала зеркальце. Ничего страшного, следов сна почти не видно. Она спрятала зеркальце и вытащила из сумочки файл, туго набитый бумагами. Документы на месте. Слава богу, всё в порядке. Мальчишка дрыхнет. Лёня-водитель слушает радио. До детского дома... женщина

покосилась на часики на руке... ещё почти час езды. Ничего страшного не произошло.

Майя Сизифовна посмотрела в окно. *Микроавтобус по-прежнему торчал в заторе перед Профсоюзной улицей.* Но туча отодвинулась, дождь прекратился, на безоблачное небо вывалилось утреннее летнее солнце.

Бывает же такое: терпишь-терпишь — и уснёшь ни с того ни с сего, как суслик. И сон навалится какой-то странный, словно кино, которое уже один раз видела, но никак не вспомнишь, про что оно и чем закончится. Взгляд её упал на подол кроваво-красной юбки. Мальчишка что-то говорил про одежду палача. Намекал, что она, Кожан, в чём-то запуталась и что жизнь к ней несправедлива. Откуда в башке у этого заморыша такие мысли? И что он вообще мог знать про её жизнь?

Сразу после окончания пединститута она вышла замуж за бывшего однокурсника Диму. Были любовь, восторг, счастье. В двадцать четыре года она забеременела, ждали с мужем рождения сына и продолжения счастья. Придумали имя — Никита. Значит — «победитель». Но роды прошли ужасно, младенчик появился на свет с признаками асфиксии и умер на второй день прямо в роддоме. Удар был страшный. Кожан растерялась и впала в депрессию. Спас муж, ухаживавший за ней больше года и терпеливо переносивший все её срывы и

капризы. Постепенно всё пришло в норму. Майя перестала видеть во сне умершего Никитку, почти забыла о ледяной игле, засевшей в сердце после его смерти. Кожан созвонилась с забытыми подругами, девчонки подняли свои связи и помогли ей устроиться специалистом в отдел опеки. Девушка рьяно и честно исполняла служебные обязанности, так как с юности была ответственной и трудолюбивой. В её карьере наметился рост. Какая-то сила ей подсказывала, что чем реже её личное будет пересекаться с работой, тем лучше. Но всё-таки однажды в сердце вернулась ледяная игла, и прошлое сыграло с девушкой злую шутку. Майя в каком-то тумане оформила документы и удочерила свою подопечную, пятилетнюю девочку, чьи родители беспробудно пили, а когда отец умер от цирроза печени, мать бросила дочь и подалась с каким-то проходимцем челночить не то на Украину, не то в Польшу и пропала без вести. Кожан занималась устройством сиротки в интернат, потом стала переживать, много читать Достоевского и Горького, вспоминать потерянного сына, плакать ночами — и всё кончилось тем, что девочка оказалась в её семье. Муж был против, но помалкивал. Только однажды сказал: «Твоя беда в том, что тебе обязательно надо самой наступить на грабли. Чужой опыт тебя ни в чём не убеждает. Ты слышишь только себя и понимаешь боль, только

когда тебе самой начнут отрывать голову».

Удочерять маленькую сироту он наотрез отказался. И оказался прав. Девочку звали Нютой, это был очень худой ребёнок с нелепо длинными руками, вихляющимися, словно неудачно привинченными ногами и гадким характером. Нюта практически ничего не ела и смотрела на взрослых волчонком. За полгода, которые она прожила в семье Кожан, девочка превратила их жизнь в кошмар. Она воровала деньги, ломала подаренные игрушки, никого не слушалась, а когда Майя, не выдержав, срывалась на крик, шипела в ответ только одну страшную фразу: «Я знаю, ты убила мою маму».

Однажды ночью Кожан проснулась и увидела приёмную дочку возле своей кровати. Ребёнок держал в руке кухонный нож, девочку трясло, она из темноты смотрела на женщину мёртвыми глазами, как кобра смотрит на свою жертву перед смертельным броском. Кожан завизжала от страха, муж проснулся, сбил девочку с ног, вырвал у неё нож и, не рассчитав сил, в запальчивости сломал ребёнку руку. Потом был суд, но Кожан нашли хорошего адвоката, который довёл дело до медицинской экспертизы, признавшей девочку страдающей маниакально-депрессивным психозом с признаками неуправляемых панических атак. Сироту отправили в приют для умственно отсталых

детей, а Кожан, придя в себя, решила в работе никогда больше не поддаваться чувствам. Особенно, жалости. Она поняла, что чаще всего имеет дело не просто с несчастными детишками, лишёнными любви и ласки, а с мстительными зверьками, ищущими возможности свести счёты с теми злодеями, которые, по их убеждению, обрекли сирот на вечное унижение и одиночество.

За пятнадцать лет, прошедших после того дикого случая с дочкой алкоголиков, женщина убедилась, что абсолютно права. Кожан стала непробиваемой чинушей, матёрой стервой. Судьба сирот её больше не волновала.

Но сегодня что-то оборвалось, съехало с накатанных рельсов и пошло не так, как надо. Этот мальчишка не был зверёнышем, озлобившимся на весь белый свет. От него исходила угроза куда более серьёзная, чем от обычных детдомовцев. Майя Сизифовна ощутила приступ непонятной тоски, желание поскорее добраться до детского дома и избавиться от подростка. Женщина перенервничала и поэтому повела себя глупо и неосторожно, почти как Руди в тот страшный летний день 1630 года...

СМЕРТЬ ПАЛАЧА

Ровно в полдень дубовые двери, ведущие в зал

заседаний городского Совета в Старом дворцовом хозяйственном дворе на Епископской горе, распахнулись, и на серый гранитный пол твёрдыми шагами ступил князь-епископ города Бамберга Готфрид Иоганн Георг II Фукс фон Дорнхейм. Высокого роста, мрачный и подозрительный, он казался старше своих тридцати девяти лет из-за смуглого лица и глубокого шрама, тянувшегося от левого виска до подбородка через всю щёку и создававшего отталкивающее впечатление, что у мужчины вместо двух щёк — целых три. Бургомистр и члены магистрата, сидевшие за длинным столом красного дерева, почтительно встали и склонили головы. Князь проследовал к своему креслу с изогнутыми в виде крыльев дракона ручками, втиснулся в него, дал знак всем присутствующим садиться и вопросительно приподнял брови. Советники бесшумно опустились на свои места и посмотрели на главу Совета, шестидесятилетнего Ханса Мирта. Бургомистр погладил лысину и заговорил очень осторожно и с большим почтением:

— Совет города надеется, что своим приглашением на внеочередное заседание не нарушил планов князя и потому не вызовет его справедливого гнева.

— Оставим галантности рыночным торговкам, — быстро сказал князь и постучал

ладонью в замшевой перчатке о столешницу. — Гнев — оружие бессильных. Нам надлежит руководствоваться логикой, законами Священной Римской империи и Божьим провидением. Итак, я хочу знать, что случилось в нашем любимом городе?

Бургомистр Ханс Мирт уважительно поклонился, откашлялся и изложил суть дела:

— История доселе неслыханная, ваше преосвященство. Один из муниципальных служащих — а именно, палач по имени Руди Шварц — обратился к Совету с нижайшей просьбой.

— Какой же?

— Разрешить ему не участвовать в казни Мартина Бека, уличенного в убийстве ростовщика Люцифера Горенштейна и приговорённого за это кровавое преступление судом города Бамберга к повешению.

— Почему же не участвовать? Это что, студенческая попойка? Палач разучился приводить приговоры в исполнение или у него как назло разыгралась мигрень, одолел ревматизм или замучила подагра?

Бургомистр понимающе улыбнулся:

— Руди Шварц объяснил свою просьбу усталостью.

— Забавно! — князь-епископ вскочил с

кресла и быстро заходил по залу. Бургомистр молчал и учтиво вращал лысой головой, не отрывая взгляда от белого паллиума, покрывающего плечи князя. Тишину нарушали только стук каблуков по гранитному настилу и позвякивание серебряной цепи с золотым медальоном на груди ходившего. «Толстые свиньи, — думал князь-епископ. — После того, как я вывел палача из подчинения городскому Совету, они готовы все идиотские вопросы муниципального управления валить на мою голову. Палач устал! Нет, тут что-то не так. Или эти свиньи расставили ловушку, или они что-то от меня скрывают».

Иоганн Георг задержался у высокого прямоугольного окна и посмотрел вниз, на площадь. Плотники устанавливали в центре образованного фасадами домов каре эшафот из свежеструганных деревянных брусьев. Вокруг носились мальчишки и норовили стянуть у зазевавшихся плотников доску или горсть гвоздей. Старший плотник, лохматый и от этого похожий на вздумавшего ходить на задних лапах огромного пса, орал на мальчишек и махал рукой с зажатым в ней непомерно большим топором. Смотреть на всю эту канитель было скучно и противно. Князь пришёл к мысли не затягивать решение вопроса с палачом, обернулся и громко сказал:

— Господин бургомистр! Если палач устал,

замените его новым. Если нового нет, вешайте преступника сами. Если это невозможно, объявите среди граждан Бамберга конкурс на единовременное исполнение обязанностей палача. Естественно, с повышенным жалованием за совершенную казнь и дорогим подарком от меня лично. Всё?

Бургомистр Мирт сделал знак секретарю, который вскочил с места, быстро пробежал через зал и с поклоном передал князю-епископу бумагу. Князь обвёл взглядом членов Совета и понял, что оказался прав. Эти свиньи мстили ему за самоуправство. Надо было читать бумагу и ломать голову над каким-нибудь нелепым решением. Иоганн Георг, сердито стуча каблуками, прошествовал к своему креслу, сел и углубился в чтение документа.

Это было донесение начальника Городской службы порядка главе городского Совета. Тайное расследование, проведённое агентами службы, выявило кровное родство палача и его будущей жертвы. Руди Шварц и Мартин Бек оказались сводными братьями, рождёнными одной женщиной, но имевшие разных отцов. Главным доказательством этого факта был двусторонний медальон с портретами братьев, подписанный рукой их матери, урожденной Греты Шварц.

— И вы всему этому верите? — князь

протянул бумагу в сторону бургомистра.

— Не верить начальнику Службы порядка у нас нет никаких оснований, — сообщил Ханс Мирт. — Расследование длилось в течение недели сразу после ходатайства палача. Секретный обыск, проведённый в доме, где проживает Руди Шварц, позволил нам стать обладателями этой улики и опереться на неё в своих доказательствах.

Ханс Мирт вытянул вперёд руку с небольшим медальоном на медной цепочке. Получалось, что рука бургомистра как бы противостояла руке князя-епископа. Князь бросил бумагу на стол и сказал сквозь зубы:

— Доказательствах чего? Что эти два молодца являются братьями? Не проще ли было под присягой спросить об этом у самого палача или его брата? И даже если они однокровки, разве это налагает запрет на совершение казни? Мне кажется, что в судебном уложении Бамберга нет ни слова по этому поводу. Или я что-то упускаю?

Глава магистрата кивнул секретарю, и тот, почтительно приняв из его рук медальон, положил его на стол перед князем-епископом. Князь рукой в перчатке брезгливо оттолкнул «улику» подальше от себя и изобразил на лице нетерпение. Бургомистр опять потёр лысину и твёрдо сказал:

— Ваше преосвященство абсолютно правы. Судебное уложение такого пункта не

предусматривает. Но тут возникают вопросы, относящиеся к религиозным догматам и, наверное, к ведению Римской церкви и Святого престола. Если гражданские правовые проблемы мы в силах разрешить сами, то в трактовке божественных истин, изложенных в Библии и в книгах Завета, мы, само собой, бессильны. Ровно год назад ваше преосвященство своим указом вывели палача из-под юрисдикции магистрата и переподчинили его непосредственно себе, многоуважаемому князю-епископу Бамберга. Горожане, напомним, были недовольны этим указом. Мы, городской Совет, тоже приняли его без надлежащей радости. Получалось, что все расходы по содержанию палача: выплата жалованья, проживание и содержание лобного места для совершения казней — несли городская казна и рядовые горожане в виде уплаты пошлины, а исполнял палач только ваши распоряжения и служил лично вам, наподобие оруженосца или тайного министра. При таком состоянии городских дел нам стало ясно...

Ханс Мирт сделал паузу.

— Договаривайте, господин бургомистр.

— Нам стало ясно следующее: то, что не в силах решить городской Совет...

— Должен решить я, — подхватил князь, потёр щёку со шрамом, усмехнулся и угрожающе привстал с кресла. — И я решу, господин

бургомистр. Вы намекаете, что своим решением я могу навлечь на себя гнев императора Фердинанда II и Ватикана? Успокойтесь. Ватикан таким пустяком, как личные взаимоотношения простолюдинов, не заинтересуется. В Бамберге ничто не может противостоять римско-германской власти и потому ничто не может разуверить Святой престол в заботе императора о благополучии города и нуждах его жителей. Чтобы подмять мою власть, советую найти повод весомее. Например, составьте донос, что я не крещусь на алтарь Рождества Иисуса в Кафедральном соборе или допускаю брань по отношению к статуе Святой Кунигунды у Нижнего моста. Возможно, тогда вы добьётесь приезда папского легата, который установит, кто здесь сумасшедший: принц крови или погрязшие в интригах члены городского Совета. Надеюсь, господам из магистрата это ясно? — Иоганн Георг обвёл тяжёлым взглядом собрание, молчавшее на протяжении всей его речи. — С этим всё! Теперь дальше. Я хотел бы видеть палача Шварца. Мне нужен этот дурак, которого вы облапошили в своих интересах. Где он?

Не прошло минуты, как дубовые двери пропустили в зал невысокого крепыша, одетого в серую рубаху с подвязанными рукавами и кожаные штаны, заправленные в чёрные чулки из крашеной овечьей шерсти. Жилистая шея, огромные руки и

выпуклая грудь говорили о физической силе вошедшего. Но бледное от страха лицо, бегающие глаза и ноги, согнутые в коленях, как будто их хозяин брёл по песку или глубокой грязи, смазывали это впечатление. Огромный плоский рот разрезал физиономию палача от уха до уха и делал его похожим на мерзкое земноводное, но не человека. Горожане прозвали палача «жаба-людоед» за этот уродливый рот и мрачную службу, исполняемую при муниципалитете.

— Руди Шварц, палач города Бамберга! — объявил секретарь. Крепыш низко поклонился присутствующим и руками стал мять подол рубахи. «Трус, — подумал князь. — Его самого надо повесить, чтобы не позорил власть епископа. А лучше — сжечь». Он стянул перчатку и протянул руку в сторону палача. Тот торопливо подошёл к креслу князя-епископа и поцеловал перстень, украшавший безымянный палец его преосвященства. Князь махнул кистью, словно отгонял назойливую муху. Палач попятился и остановился в центре зала.

— Глава магистрата передал мне вашу просьбу, майстер Шварц, — князь говорил дружелюбно, подчёркивая тем самым, что хочет помочь несчастному. — Объясните, что препятствует исполнению ваших обязанностей, и я постараюсь уладить это дело.

— Ваше преосвященство, — глухим и жирным голосом заговорил палач, — я осмелился просить временной отставки у городского Совета по одной единственной причине. За последний год количество казней возросло, и я не справляюсь с возложенными на меня обязанностями из-за внезапной слабости. Стыдно сказать, но, видно, я устал и стал мучиться головными и сердечными болями. Я прошу уступить моей просьбе и дать мне отдохнуть. Небольшая передышка — это всё, что мне нужно.

— Сколько аутодафе проведено майстером Шварцем?

— С января по июль нынешнего года — 22 сожжения еретиков по приговору епископального суда, — доложил секретарь.

— Слышите, майстер Шварц? — князь повысил голос. — Что скажете?

— Всё верно, 22 смертных приговора. Вот этими самыми руками, — заторопился палач, — мною исполнена воля Святого престола и Римской церкви...

— Вы меня не поняли, майстер. Количество меня не интересует. Вы исполняли приговоры епископального суда, так?

— Так, ваше преосвященство.

— И почему-то обратились с просьбой об отпуске к магистрату, а не ко мне, князю-епископу.

Объясните, почему?

Палач испуганно глянул в сторону бургомистра, как бы ища поддержки. Но Ханс Мирт поглаживал свою лысину и молчал. Руди Шварц бухнулся на колени, ткнулся лбом в гранитный пол и что-то замычал.

— Вас вынудили это сделать, так?

— Нет!.. То есть да!.. То есть я...

— Вы попались на вранье, майстер Шварц, и решили, что магистрат закроет на вашу ложь глаза, если вы всё исполните так, как велит господин бургомистр.

— Руди Шварц скрыл от магистрата истинную причину своей просьбы, — подал голос Ханс Мирт. — И мы сочли необходимым...

— Руди Шварц скрыл это, прежде всего, от меня, ибо он подчиняется мне, а не магистрату! — Иоганн Георг перебил Мирта и развёл руками, словно удивился наивным словам бургомистра. — Майстер Шварц, скажите: осуждённый Мартин Бек — ваш брат?

— Сводный брат, ваше преосвященство!

— За что он убил ростовщика?

— Марти не выполнил условия кредитного договора. Ваше преосвященство! Я предупреждал Марти, чтобы он не связывался с этим пройдохой Горенштейном. Ростовщик выдвинул драконовские условия займа. Но Марти меня не послушался, он

надеялся, что найдёт сорок талеров для уплаты процентов. Всё вышло так, как я его предупреждал. Денег не оказалось, и Марти стал упрашивать ростовщика повременить с требованием долга. Но этот Люцифер — известная сволочь! Он сначала вынудил Марти подписать вторичную долговую расписку, а потом заявил, что проценты выросли и теперь мой брат должен уплатить ростовщику в два раза большую сумму, чем прежде. Причём, немедленно, так как дальше будет ещё хуже, потому что Люцифер обратится в суд. Марти струсил. Сначала он ныл и просил у меня займы, потом хотел обворовать ювелирную лавку, а потом... потом...

— Потом зарезал ростовщика, угодил в тюрьму и епископальный суд приговорил убийцу к повешению, — князь поднялся с кресла, подошёл к бургомистру и повторил, глядя ему прямо в глаза. — Епископальный суд, а не городской суд, верно? А ты, олух, — князь повернулся к валявшемуся на полу палачу, — кинулся за подачкой не к тому корыту. Но мне, как представителю Святого престола и великого императора Фердинанда, истинной ценностью представляется Высший Суд, а не мелкое сутяжничество. Торговцы будут изгнаны из храма. Встань, мерзавец!

Руди Шварц поднял исковерканное ужасом

лицо, по которому тѣк пот пополам со слезами.

— Почему ты воспротивился исполнению приговора моего суда? Отвечай, ублюдок!

— Мартин Бек — мой брат...

— Он, прежде всего, убийца и преступник.

— Но я... я не могу поднять руку на брата...

— Это решать не тебе, а Всевышнему.

— Смилуйтесь, ваше преосвященство! Каин и Авель...

— Каин совершил смертный грех и был проклят Господом за братоубийство. А ты понесёшь наказание за превратное толкование Священного Писания. Ты — еретик и будешь сожжён вместе со своим братом-преступником, ибо... — князь положил правую руку на грудь, пальцами коснулся паллиума и торжественно возвысил голос: — Ибо лгущий о Боге строит лживый храм, который истинным христианам должно немедленно уничтожить. Сказано в Библии об отступниках и их гнездилище: «И о храме сем высоком всякий, проходящий мимо него, ужаснется и свистнет, и скажет: «За что Господь поступил так с сею землею и с сим храмом?» И скажут: «За то, что они оставили Господа Бога своего, Который вывел отцов их из земли Египетской, и приняли других богов, и поклонялись им, и служили им, — за это навел на них Господь всё сие бедствие». Да будет так. Стража, убрать отсюда этого

вероотступника!

Палач завизжал и пополз к князю, в надежде ухватить его за ботинки. Но вбежавшие стражники грубо подняли несчастного, потрянули его так, что у него хрустнули кости, и выволокли из зала. Дубовые двери закрылись. Иоганн Георг сел в кресло и с наслаждением разорвал бумагу с донесением начальника Службы городского порядка.

— А это, — князь сгрёб медальон и швырнул его по столу в сторону бургомистра, — сожгите вместе с преступниками. Аутодафе состоится завтра утром. Объявите об этом в городе. Потом потрудитесь найти нового палача и представьте мне его сегодня после вечерней службы.

О ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Да, именно этот сон Кожан видела несколько минут назад, когда её одолел странный дурман или с нею случился обморок, вызванный духотой и туманным бормотанием подростка. Сон или гипноз? Она вспомнила трусливого палача, коварного бургомистра, мрачного князя-епископа. Она могла поклясться, что была там, в Старом дворце на Епископской горе, и могла слово в слово повторить всё, что говорилось на заседании Совета.

Дикий бред! Какая-то чушь! Женщина

непроизвольно зажмурилась и заткнула уши, словно была не в силах справиться с этим жутким воспоминанием. Она не слышала, что мобильный телефон голосит в сумке, не понимала, о чём её спрашивает проснувшийся мальчик.

— Вы совсем на себя не похожи, — мальчишка держал её за руки и осторожно встряхивал. — Всё в порядке?

Женщина вздрогнула. По лицу её пробежала тень, словно порхнула большая птица. Где-то далеко играла музыка и тенор самозабвенно выводил: «O sole, o sole mio-o... Sta in fronte a te-e-e, sta in fronte a te-e-e...» Наконец, Кожан пришла в себя, отодвинулась от подростка и спросила зыбким, как после глубокого сна, голосом:

— Кто ты? Только правду, без разводов.

— Григорий Мухин. Из Социального приюта для детей и подростков.

— Допустим. Что сейчас со мной было?

— Вы спали. А потом испугались сновидения.

— Так это был просто сон?

— Ну, да. Путешествие в прошлое.

— Praemonitus praemunitus, — внезапно вспомнила Кожан. — Причём здесь это?

— Догадываетесь, почему погиб Руди?

— Струсил?

— Смотря, как относиться к его окончательному выбору. Если как к случаю — то

да, это всего лишь трусость. Если иметь в виду, что это фрагмент длительной и важной истории — палач погиб ради чьего-то спасения.

— Он хотел спасти брата.

— Вы опять рассматриваете случай. История гораздо интересней.

— Чья история?

— Ваша.

Майя Сизифовна опустила взгляд, чтобы скрыть волнение. «Пожалуй, он не шутит, а собирается сообщить мне что-то очень важное. Надо не спугнуть его и притвориться беспомощной. Почувствовав власть, этот выкормыш потеряет над собой контроль и обязательно проколется. Узнав его замысел, я перехвачу инициативу и загоню его в угол».

Женщина прикусила губу и, притворившись, что поражена услышанным, сказала дрогнувшим голосом:

— Всё как в сказке — чем дальше, тем страшнее. Маленький мальчик перехитрил взрослую тётеньку. Наверное, он думает, что теперь тёте ничего не остаётся, как просить у мальчика пощады. Вроде бы, так оно и есть. Отступить некуда. Надо сдаваться на милость победителя, — тут Кожан внутренне перекрестилась и сменила размышляющую интонацию на угрожающую. — Но тётя может передумать и разочаровать

мальчика.

Диль наострил уши. Добыча сама шла в капкан. На всякий случай он просчитал про себя до двадцати, как советовал Наставник, и потом ещё раз прислушался к своим ощущениям. Никакого волнения он не уловил, если не считать лёгкой пульсации в правом виске, что было обычным признаком охотничьего азарта. Микроавтобус с шипением летел по масляному от дождя шоссе, а Кожан в этот момент видела за окном залитую солнцем площадь Гагарина и неподвижную автомобильную пробку. Время утратило плотность и распалось. Пространство хрустнуло, дало трещину и брызнуло красивыми, волшебными осколками. Кристалл работал, бояться было нечего.

Диль сказал очень внушительно, словно экзаменатор, поймавший нерадивого студента за чтением шпаргалки:

— На вашем месте я бы не обольщался. Если вы не понимаете, о чём идёт речь, — а вы этого не можете понимать — перестаньте блефовать и попробуйте начать всё сначала. Имейте в виду, Майя Сизифовна: вам повезло, что вы встретились со мной, а не с Остроградской. Она бы вам такого шанса не предоставила.

Кожан быстро переспросила:

— Откуда ты знаешь про Эльвиру Мухтаровну?

— Просто вы ей звонили и называли её директором детского дома, в который мы едем. А я запомнил.

Чиновница вспомнила, что так оно и было. Ей показалось странным, что этот эпизод выскочил у неё из головы. Такого с ней раньше никогда не случалось. Она строго контролировала свои слова и поступки, всё запоминала и поражала сотрудниц отдела блестящей памятью. Мальчишка прав. Она явно устала, ей надо было тихо сидеть дома, пить чай с мятой и никуда не ездить.

Подросток спокойно смотрел на неё и ждал, что она будет делать дальше. Солнечный свет, льющийся в салон микроавтобуса сквозь промытые дождём окна, обещал великолепный день. Майя Сизифовна внутренне встрепенулась. Ей показалось, что она стоит перед разгадкой какой-то важной тайны. Конечно, надо было держать марку, быть с мальчишкой издевательски властной, может быть, даже грубой. Но любопытство взяло верх и Кожан, что называется, поплыла.

— Мухин, ты похож на зубного врача, приготовившегося удалить мне больной зуб. Смотришь на меня строго и с таким сожалением, как будто увидел что-то нехорошее у меня внутри. Какую-то заразу. Ну, хорошо, удаляй зуб, если он кажется тебе испорченным. Я не боюсь и я не против.

— Только не говорите потом, что я вас обманул, ладно?

— Хорошо, договорились. Итак, ты обещал мне распутать старые узелки в кармане моего пиджака. С чего начнем?

— С самого начала. Сегодня вы в очередной раз собирались поступить против собственной совести. Сдать сироту в детдом, хотя сами лично терпеть не можете эти заведения и считаете, что в большинстве случаев они калечат, а не спасают детей. Однако вы научились вести себя двулично, оправдываясь перед собой тем, что к маленькому обману вас вынуждает ваш ответственный пост, забота о детях и здравый смысл. Потрясающее заблуждение! И вы себя убедили, что это не заблуждение, а просто такой вынужденный прикид, муть, показуха для всех остальных. Но сегодня вас выдала ваша одежда, ярко-красная юбка. Случайное совпадение, намекающее на возможность покончить с вязкой двуличностью, которая вас рано или поздно погубит.

— Допустим, что ты прав. Хотя, скорее всего, я угодила в сумасшедший дом, где тринадцатилетние мальчики дурачат взрослых и корчат из себя Кашпировских и Гарри Поттеров. Да, в дурдом на колёсах, — Кожан говорила так, словно пыталась убедить себя в том, что в происходящем нет ничего необычного. — Детские

дома, опека, милосердие — всё это не моё, допустим. Но я никогда не чувствовала в себе потребность приносить людям зло.

— Вы этого не хотели, но вы это делали, как всякий ослеплённый самообманом человек. Знаете, почему вас хотела зарезать Ньюта, та крохотная сиротка с вывернутыми ногами?

— Она была больна на голову.

— Она разглядела в вас палача и испугалась, что вы тащите её на эшафот. Только сами вы в тот момент думали, что спасаете девочку, и никто бы не смог вас в этом разубедить. А она не знала, как вывернуться от вас, избавиться от предчувствия гибели и ужаса близкой смерти.

— Господи, да что ей было нужно?

— Мама. Дом. Любовь.

Три обычных слова, так просто сказанные подростком, окончательно сбили чиновницу с толку. Она почувствовала всю нелепость ситуации, когда мальчик объясняет ей, многоопытной заведомо опеки, очевидные вещи. Кожан промолчала, собираясь с мыслями.

— Впрочем, вы об этом хорошо знаете, — продолжал Диль. — Не будем толочь воду в ступе. Я предлагаю вам на выбор: случай или историю. Что предпочитаете?

— Судя по твоему наглому тону, выбор у меня только один. Историю.

Диль многообещающе хмыкнул.

— Тем более что она уже началась. Вы готовы слушать?

Кожан кивнула. Если бы не усталость, если бы не этот ужасный сон, она стёрла пацана в порошок. Ей показалось странным, что он так быстро меняется. Был сначала равнодушным, потом вдруг впал в назидание, быстро сменил его на участливость, а теперь смотрит, как охотник на дичь. Что-то здесь не так, какая-то за всем этим кроется западня. Майя Сизифовна решила вести себя осторожней. Не спешить с выводами, а внимательно прислушаться к тому, что расскажет мальчишка.

— Вы верите в переселение душ, Майя Сизифовна?

— По-моему, это чепуха.

— Верно. Потому что переселяются не души, а сами люди. Если молоко перелить из пакета в стакан, то оно примет форму стакана, но не перестанет быть молоком. Человек, его тело и душа меняют форму, но от этого сам человек не меняется. Вот тут и кроется маленькая тайна. Знаете, наверное, что есть такой эффект, когда нам кажется, что мы снова переживаем то, что уже однажды пережили? Были уже в этой комнате, видели этого человека, вели именно этот разговор.

— Дежавю.

— На самом деле, всё куда интереснее. Дежавю — это когда мы видим повтор кинофильма, но ничего не знаем про то, кем он снят и кто его показывает. Если же нам напомнить процесс съёмки и ещё раз подвести к режиссёру, то мы увидим себя совершенно другими. Такими, какими были в момент команды «мотор».

— Другими?

— Ещё бы! Мы видели другой свет, вдыхали другой воздух, слышали другие звуки. Если дать нам возможность пережить это ещё раз, вернуться на съёмочную площадку, надеть прежний костюм, повторить слова забытой роли — это может стать отправной точкой для изменения человека.

— Разве мы не обязаны доиграть до конца порученную нам роль?

— Человек, как актёр, может повести роль иначе. Симпровизировать. Актёр трансформирует роль, роль меняет человека, человек продолжает жить с новым опытом, источает другой свет, другой запах, слышит другие звуки.

— Всё так просто?

— На самом деле, нет. Это я упростил про кино, чтобы вас не запутывать. Но суть вы, кажется, поняли.

— Я поняла, что мной, как послушной актрисой, может кто-то управлять, разыгрывать всякие сцены с моим участием, распоряжаться

моими эмоциями, чувствами, мыслями. Вообще, сбавать со мной всё что угодно. Например, сохранить мои мозги в порядке или сделать меня сумасшедшей. Прикольно! Жесть, как вы говорите! Но это какое-то мракобесие, лажа и мистика!

— Я же предупредил, что всё сложнее. То, что вы описали, действительно мистика. Но мы мистикой не интересуемся. Это для лохов. Мы обращаемся к тем, кто способен мыслить, а не впадать в кайф.

— Кто это мы?

Диль опять хмыкнул и мерзко причмокнул губами:

— Мы с вами. Вы и я.

Кожан лихорадочно соображала, как теперь себя вести. С одной стороны, ей было интересно, куда заведёт этот заумный, неправдоподобный разговор с обнаглевшим подростком. С другой, чиновнице было очевидно, что отработанная годами модель «заботливая наставница — покорный детдомовец» рухнула к чёртовой матери. Вернуться к ней уже не удастся. Для этого надо либо заткнуть ему рот, либо залить себе воском уши.

— Не воображайте себя Улиссом, искушаемым сладкозвучными сиренами. Это другая история. Вам предстоит разобраться с палачом из Бамберга. Для этого, как не упирайтесь, придётся

меня слушать. Иначе до детдома мы не доберёмся никогда. Автобус станет нашей могилой.

Женщина посмотрела в окно. Пробка на площади Гагарина не рассосалась, машины сонно замерли, сбившись в кучу вокруг микроавтобуса. Солнце лизало их разноцветные крыши, которые вдруг показались Кожан начищенными до ритуального блеска коробками катафалков. Прохожие исчезли. Вокруг «форда» лежал абсолютно вымерший, сожжённый солнцем город, в который она попала неизвестно откуда и непонятно как. Это была не Москва, а лишённая воздуха и жизни фотография из глянцевого журнала.

— Лёня! — испуганно позвала женщина и только после этого увидела, что водителя на месте нет. На щитке лежали его солнцезащитные очки, радио безучастно мурлыкало какую-то чушь, а кресло было пусто. Леня исчез бесследно, какой ужас!

— Он побежал за сигаретами, через пару минут вернётся, — сказал мальчик. — Не впадайте в истерику. У вас есть счастливый шанс узнать то, что даст вам силы и желание жить по-новому. Глупо отказываться от такого щедрого подарка судьбы. Это всё равно что самому распилить бриллиант и лишить его драгоценной красоты и могущества.

Майя Сизифовна была неглупой женщиной и сообразила, что мальчишка даёт ей подсказку. Но маленькая, цепкая лапка страха не отпускала. В то, что обычная заведомо опеки попала в необыкновенную историю, верилось с трудом. И что историей заправляет малолетний оборвыш, сам, без чьей либо помощи, тоже было невероятно. Чушь собачья! Тут должна была быть элементарная разгадка. Чей-то блестящий замысел и чьё-то выверенное до тонкой грани исполнение.

Стоп, подсказка: бриллиант! И Кожан неожиданно для себя самой выпалила:

— Где бирюзовый камень?

Диль поправил на руке чёрный браслет с кристаллом.

— Bravo! Вы сообразительны. Кристалл на месте. Будете слушать?

Чиновница внезапно успокоилась, как пассажир, увидевший, что поезд, на который она боялась опоздать, стоит у перрона. Поэтому она опустила голову и послушно сказала:

— Да.

Диль понял, что победил. Он сплёл сеть, заманил туда добычу, опутал её прочными нитями и теперь может довести спектакль до конца. Даже если Кожан ему не поверит или не въедет в смысл происходящего, она обречена жить по его подсказкам. Теперь у него в руках конец цепочки,

дёргая за которую, можно незаметно управлять человеком-простаком. Если Наставник видит его триумф, пусть аплодирует. Глупистика, мальчишество и фанфаронство, но проделано всё с математической точностью и изяществом. В подлости тоже есть сладость. Пакость соблазнительна, а удавшаяся пакость возбуждает, как никем не замеченная, но очень выгодная кража. Вы думаете, что *это* всё ещё *ваши*, а *это* давно уже *моё* !

В конце концов, Дилю удалось подавить в себе щенячий восторг от ловкой победы и приступить к рассказу. Женщина сидела безвольная, тихая и неподвижная, словно кукла.

— Вам кажется, что вы живёте гладко и путешествуете от рождения к смерти чётко по расписанию, вроде поездов, летящих по рельсам из пункта А в пункт Б. Путешествие кажется быстрым потому, что современные люди вынуждены принимать решения и совершать поступки стремительно. Вы всё время действуете, но не размышляете. Думать некогда, да и незачем. Всё расписано и разложено по полочкам. Деятельный человек хватается то, что лежит на полочке, и только успевает запихнуть это себе в рот. Главное — успеть цапнуть выложенное, не то добычу схватит тот, кто летит следом. Успевший хапнуть — молодец, прошляпивший полочку — дурак и ботан.

— Да. Так заведено.

— Неправда. Просто вы для удобства решили, что мир устроен именно так. На самом деле, мир гораздо сложнее. Люди это знали давно, но вы однажды решили забыть об этом.

— Значит, у нас на то была причина.

— Причины не было. Был страх, что полочки закончатся, и больше хапать будет нечего. Страх заглушил все чувства и разум, стал вашим принаряженным идолом и приукрашенным царьком. Но иногда всё-таки страх отступает, и тогда человек решается шевельнуть мозгами или хотя бы вспомнить, как это делается. Сначала он беспокоится, но уже не так, как охотник за товаром на полочках. Долго мучается, но не тем, чем мучаются миллионы хапуг. И пройдя через беспокойство и мучительное сомнение, иногда вспоминает, кто он на самом деле.

— Фантастика!

— Опыт! Теперь слушайте меня очень внимательно. Время и Пространство, которые вам удобно считать плоскими и однородными, на самом деле выглядят иначе. У них множество слоёв. Древние мудрецы считали, что их пять. Такой пятиэтажный дом, пирог с пятью разными начинками. Или лучше представьте себе огромный прозрачный шар, в котором летают ещё четыре прозрачных шара. Это и есть Космос, являющийся

системой из пяти подвижных Жизнесфер. У каждой Жизнесферы свои особые Пространство и Время. Характерные только для них образы, символы, формы. Но Жизнесферы, то есть Пространства и Времена, могут проникать друг в друга. Тогда в одной Жизнесфере оживают образы из иных Жизнесфер. Человек может иногда увидеть их, но система его восприятия срabатывает наподобие воздушной подушки безопасности. Толчок в сознании — и всё. Остаются лишь отпечатки, туманные следы, типа эффекта дежавю. Простенькое кино без сюжета и смысла.

— Ну и слава богу! Я не люблю сложные картины.

— О кино чуть позже. Если точно знать взаимоотношение пяти Жизнесфер, можно их сознательно видоизменять. Для человека это выглядит как перемещение из одной реальности в другую. Это описано в тысячи сказок. Ударился оземь — и стал комаром, выпил воды из лужи — заблеял козлёнком. Мы можем очутиться в мире, где вы будете, например, совой, а я мышью. Но это — там, а здесь возможен только едва заметный след о форме нашей жизни в другой Сфере, в другом Пространстве и Времени. Намёк. Скажем, волосы, похожие на птичье перо, или маленькие глазки, похожие на вздрагивающие бусинки. Если же в том мире сова убьёт мышь, то здесь это будет

выглядеть, ну, например, как передача сорокалетней женщиной-чиновницей в интернат бездомного мальчугана-сиротки.

Кожан приподняла голову и медленно произнесла:

— Намёк — это моя красная юбка?

— Если заглянуть в ту Жизнесферу, словно в съёмочный павильон, и переснять старый фильм, то изменения начнутся и здесь. Как с мышкой и совой. Что-то подобное произошло и с вами, пока вы спали. Режиссёр перемонтировал киноленту и избавил мир от палача Руди. А вас — от мучительного ощущения несправедливости жизни. От безрезультатной борьбы с подсознательным страхом перед детьми. Ваш враг уничтожен. Клубок старых ниток распутан. Вы скоро почувствуете, что стали немножко другой. Вам теперь свободно и легко, как когда-то в юности.

— Но я... я ничего такого не ощущаю.

— Это не чувство. Это мысль. Бамбергский палач трусливо думал о том, как избежать наказания, и был, в конце концов, наказан. О чём мы мыслим, то и получаем. Поэтому важно размышлять, прежде чем брать что-то с полочки. А вдруг это не нужно или вообще опасно? Кстати, о чём вы сейчас так напряжённо думаете, Майя Сизифовна?

Женщина помотала головой, как бы

отстраняясь от Диля и звука его голоса. Выходило нечто странное. Она была не она, её жизнь была не её жизнью, сирота был не сиротой, а вообще неизвестно кем, каким-то гениальным ребёнком, свалившимся ей как снег на голову. Дитя индиго, ха-ха!.. Что теперь делать? Как вести себя с директором детдома? Скрыть правду или выложить ей всё начистоту? Но кто поверит её рассказу? И что вообще в данном случае следует называть правдой? Узелки распутаны, сказал мальчик. Но почему тогда так путаются мысли? И почему так раскалывается голова?

Кожан прикрыла глаза и откинулась на спинку сиденья. «Надо было захватить из дома спазмалгон или анальгин. Таблетка сейчас не помешала бы, — вяло подумала чиновница. — Может, Лёня догадается купить минералки? Или мятной резинки? Кстати, почему его так долго нет?»

В ту же секунду она различила воркотню мотора, мягкое покачивание и холодный ветерок, какой проникает в салон быстро движущегося транспорта. Майя Сизифовна выпрямилась и вытянула шею. «Форд» мчался по мокрому от дождя шоссе, шофёр был на месте, одной рукой он придерживал руль, а в другой руке, сложенной пополам наподобие циркуля, у него меж пальцев красиво и вкусно дымилась сигарета.

Москва осталась далеко позади. Мелькнул сине-белый указатель «Ватутинки». За Ватутинками автобус свернул направо, нырнув носом, съехал с шоссе на бетонку и покатил в сторону леса. Еще через десять минут он остановился перед зелёными решётчатыми воротами, за которыми был виден островерхий четырёхэтажный особняк, выстроенный в европейском стиле. Окна с матовыми стёклами резко выделялись на фоне белых стен, рассечённых прямоугольниками и диагоналями коричневых швов-фахверков. По низу кровли весело танцевали буквы «БАШНЯ СЧАСТЬЯ». На красной черепичной крыше торчали несколько круглых телевизионных тарелок.

Кожан посмотрела на притихшего парнишку.

— Итак, я — это Руди. А кем был ты?

— Меня там не было. Это не моя история.

Переиграна ваша роль, а не моя. Меня раздражала ваша самоуверенность и я попросил режиссёра вмешаться, — Диль ещё раз показал женщине браслет с кристаллом. — Он вступил с вами в диалог, потому что вы показались ему неплохим человеком, достойным помощи и спасения.

Женщина резко выпрямилась, глаза её недобро сверкнули.

— Я не верю ни одному твоему слову, мальчик. И подозреваю, что ты не спаситель, а

отъявленный мерзавец и негодяй. А думаю я сейчас вот о чём: кто ты на самом деле и зачем ты всё это затеял, Мухин?

Охранник распахнул ворота, ногой откинул с дорожки забытую детьми пластмассовую куклу и помахал гостям рукой, словно встречал старых знакомых. Автобус мягко въехал во двор и, вздохнув, остановился. Диль показал охраннику средний палец и прошептал Кожан, цинично ослабившись:

— Сучонок, выкормыш и никому не нужный детдомовец. Но вам я, возможно, ещё понадобится. Или вы — мне.

Женщина успела заметить на правой руке у маленького хама обычные механические часы на дешёвом пластиковом ремешке. Никакого чёрного браслета, украшенного камнем, не было и в помине.

ОЧЕНЬ ВАЖНЫЙ ДОКУМЕНТ

Всякая история двойственна. В теле одной истории живут два сюжета: внешний и внутренний. Читатель всегда выбирает тот сюжет, который ему очевидней. Или наберёмся смелости и скажем иначе: он предпочитает историю, которая не поработает, не сковывает, не тяготит его ум, а даёт ему расцвести и ярко блеснуть своей трактовкой и своим пониманием жизни на фоне того или иного

сюжета облюбленной истории. Читатель вправе гордиться улыбнувшейся ему удачей. За нагромождением слов, фактов и характеров он обнаружил то, что для других людей осталось скрыто за семью печатями. Важно не как рассказано, а как услышано. Исходя из этого, совсем нелепо присваивать лавры первооткрывателя рассказчику, а не слушателю. Фокус в том, что рассказчик здесь ни при чём. Он сам взял на себя труд рассказать случившееся, его об этом никто не просил и ничего за приложенные усилия не обещал. Прихоть словоохотливого путника, случайно заночевавшего у чужого костра, и только. Какую именно историю хотели услышать те, кто греются у огня? Это никому неизвестно. Не знает об этом и болтливый рассказчик. Он, подчиняясь своей фантазии, переплетает сюжеты причудливым образом. Внешнее и внутреннее то подменяют, то подстёгивают, то запутывают друг друга. Часто выходит вообще нечто несуразное. Рассказчик выкладывает одну историю, а слушатель слышит другую, ту, которая ему понятней и которая ему дороже. Разойдясь в разные стороны, рассказчик и слушатель унесут с собой каждый свою историю, которая им кажется одной и той же. Чем больше расстояние между бывшими собеседниками, тем очевиднее несовпадение сказанного и услышанного. Но одновременно с

увеличением расстояния между бывшим и настоящим, между двумя странниками, ставшими полюсами повествования, несовпадение убывает и стремится к нулю. И здесь спорить о достоверности рассказанного и услышанного, о преимуществе того или иного, о достоверности двух сюжетов, соперничающих в поле одной и той же истории, вообще нет никакого смысла. Целое дробится на осколки, но каждый осколок несёт в себе память о целом. Закономерности подчинены случайностям, а случайности, как ни верти, ведут к незыблемым законам. Внешнее оборачивается внутренним и наоборот. Так древний миф о каком-нибудь былинном герое или сказка о Царе Горохе из тридевятого царства неожиданно перекликается с сегодняшней действительностью и нас одолевает приятная оторопь, что мы это знаем и можем предположить, что будет дальше.

Так стоит ли заранее граничить фантазию и реальность? Возможно, что они и есть два сюжета одной и той же истории? Не верить в их единство можно. Но есть ли смысл в отрицании того, что было, только потому, что с нами такого пока ещё не случилось?

Мало того, изначально рассказчик тоже ведь был слушателем. Узнав историю, он, первым делом, вычленил из неё то, что привлекло его более всего, удалил лишнее и передал следующим

любопытным, то есть нам, свой собственный сюжет, который отстоит от первоначально освоенного им сюжета ровно настолько, насколько он уже отстоял от действительно имевшего место быть в некотором хронотопе важном случае в тот момент, когда неизвестный нам рассказчик передал его неизвестному слушателю, ставшему впоследствии для нас известным рассказчиком. Клубок причинно-следственных связей, таким образом, запутывается с каждым новым витком всё больше и больше. Поэтому вряд ли стоит доверять тому, кто смело заявляет: «А на самом деле было вот так». Скорее всего, это «на самом деле» — всего лишь эгоистичная форма подчинения своей воле воли слушателей из личных корыстных побуждений. Потому что никакого «на самом деле» не существует. Есть мы и есть необъятных размеров пространственно-временная материя, которая шлёт нам сигналы, сигналы особого свойства. Сигналы отсылаются нам абсолютно бескорыстно. Нам передаётся не факт, а опыт. Делается это с помощью метафор, образов, мифов и сказаний. Только сняв и отбросив шелуху сюжета, мы доберёмся до ядра, в котором заключён опыт.

Тот, кто хочет набить карманы шелухой, волен опровергнуть нашу историю. Ухватиться за один из её сюжетов, глубокомысленно прищуриться и важно заявить: «А на самом деле

такого не было!» Даже не будем спорить. Дискуссия нелепа, так же как спор о первенстве курицы или яйца. Наш аргумент — это вневременной опыт, в котором и яйцо и курица не существуют отдельно друг от друга. Вдумчивый читатель это понимает. Для него важен не алгоритм воспроизводства курятника, а метафора цикличности жизни. С этой точки зрения настоящий читатель легко и великодушно пропустит множественные сюжетные подробности нашего рассказа. Человеческий опыт подсказывает, что как только разрываются связи между поколениями, центробежные космогонические силы швыряют цивилизации в небытие и топят их там бесследно, как океан несчастную Атлантиду. Когда родители забывают своих детей, а дети презирают родителей, дают им насмешливые клички и даже идут на них войной, пробуждаются дремавшие веками разрушительные, гибельные демоны космогонии. Наше время, время гонки за индустриальными, сугубо материальными, отчётливо вещественными ценностями уничтожило центростремительность и раскрутило центробежность. Так ли хитроумно, беспощадно, изощрённо и сложно происходило всё то, что происходило на наших глазах? Оно могло быть именно так и только так, как мы это рассказываем. Или могло быть иначе. Документ, попавший к нам

в руки, мог быть только таким, каким мы его здесь представляем. Так же, как мог быть и совершенно другим. А сюжетолобец скажет, что такого документа вообще не было, поскольку «на самом деле» всё произошло совсем иначе. Хотя откуда бы ему всё это знать, верно? Энному слушателю и энному плюс один рассказчику?

Мы, честно говоря, не доискиваемся правды. Мы рассказываем историю, которая, кажется, способна добавить кое-что интересное не к сюжету с оставленными детьми, а к опыту превращения центробежных сил обратно в центростремительные.

Всякая история двойственна, но всякий человеческий опыт выше этой двойственности. Давайте не будем придирааться к сюжетам, давайте задумаемся над тем, что пробудило наш к ним интерес. Поверим, что наша история была именно такой, какой она и сложилась, о чём сообщает один секретный документ, который мы здесь публикуем. Этого достаточно, чтобы приобрести кое-какой опыт и двинуться дальше.

«СЕКРЕТНО.

Академия Реконструкторов, Лаборатория диагностики и прогноза, реконструктор третьего уровня Зед Ош Гартс.

Миссия «Одиночка».

Опция «Страна Идеальных Мечтателей и

дети-сироты. Разрушительный проект и перспективы реконструкции».

Страна Идеальных Мечтателей (восточное полушарие Глобаля, северный Реал) оказалась в точке, откуда возможно медленное движение вверх (прогресс) и слишком быстрое скатывание вниз (регресс). Процесс деградации может коснуться любой сферы: экономики, культуры, политики — так как все они оказались под влиянием чужих и плохо освоенных идеологий. В Стране царит внешнее благополучие, но внутри постоянно зреют конфликты, способные дестабилизировать ситуацию. Наличие этих тлеющих очагов опасно. Не только для Страны Идеальных Мечтателей, но и для всего Глобаля, частью которого она является. Моя Лаборатория, призванная следить за процессом человеческой эволюции и немедленно восстанавливать нормальный ход цивилизации, выявила одну из угроз, возникших перед Глобалем. Угроза нависла, прежде всего, над Страной Идеальных Мечтателей, которая стала идеальным объектом для внедрения и распространения деструктивного проекта. В данной аналитической записке я рассмотрел ситуацию, которая сыграла роль детонатора проекта, представил его инициаторов и изложил вкратце предложенный нами контрпроект, его технологию, цели и исполнителей.

1. Проблема, способная в скором времени привести Страну Идеальных Мечтателей к коллапсу — это увеличение числа детей, оставшихся без родительского присмотра. Странно, что нет точных статистических данных о количестве сирот, динамике процесса распада семей и передаче брошенных взрослыми малышами и подростков в так называемые дома ребенка, приюты и интернаты. Вероятно, статистика относится к сфере закрытой информации или вообще не входит в сферу национальных интересов. Также возможно отсутствие системного подхода к решению проблемы в целом, что приводит к неразберихе с цифрами, конфликтам между правительственными органами и возможными приёмными родителями, а также к переносу проблемы на частный, так называемый региональный уровень.

Итак, о цифровых провалах. Сейчас общая численность населения Страны Идеальных Мечтателей колеблется в пределах 144–145 миллионов человек (перепись 2002 года установила численность в 145 миллионов 164 тысячи человек). По предположениям различных экспертных групп (как государственных, так и общественных, то есть самодеятельных) число беспризорных детей составляет от 750 тысяч до 3 миллионов человек. Это 2,1 % от всего населения. На каждые 40

жителей Страны приходится один бездомный ребёнок. Из-за ширящейся волны социального сиротства правительство Страны вынуждено ежегодно строить 150 новых детских домов. В 1330 детдомах и интернатах сейчас живут около 280 тысяч воспитанников — это 1,5 % от всего детского населения. Пусть эти статические данные приблизительны и не совсем корректны, но они демонстрируют предрасположенность Страны к самоуничтожению.

2. Мы убедились в том, что отношение к проблеме сиротства противоречивое. С одной стороны, наличие кризисной ситуации признаётся безоговорочно. Сотни организаций, фондов, многие известные политики, писатели, учёные бьют в набат и призывают начать борьбу за брошенных детей. С другой стороны, целенаправленных действий для разрешения этой ситуации не предпринимается. Мало того, создаётся впечатление, что ни зажигательные речи, ни спорадические усилия дело с мёртвой точки не сдвигают. Налицо путаница, рождённая благими порывами, но приносящая горькие плоды. Участники непрекращающихся дискуссий вокруг сиротства как будто не стремятся прийти к единому мнению. На первый план в этих спорах выходят корпоративные, карьерные и финансовые интересы.

Кроме того, на ура принимаются следующие и

подобные им логические выкладки, которыми оперируют, например, авторы книги «Как спасти страну от болезни сиротства», весьма популярной в обществе: *«Простых путей решения проблемы сиротства не существует. Система мер, направленная на профилактику сиротства, жизнеустройство детей-сирот, преодоление последствий сиротства должна быть сложна и многогранна. Оказалось, что в отечественном опыте имеются образцы решения фактически любой проблемы, связанной с различными аспектами сиротства. Однако этот опыт фрагментарен, мало известен, и его масштаб, как правило, ограничивается отдельным районом или, в лучшем случае, городом».*

И далее авторы монографии преподносят загадочный «научный» вывод: *«Разрыв между единичным, локальным опытом и общегосударственным масштабом проблемы сиротства смещает проблему в иную плоскость. На наш взгляд, проблема сиротства должна решаться не в целом по стране, а в каждом конкретном регионе, городе, районе, селе, в каждой семье».*

Но это лишь один из примеров ошибочного подхода к многолетней проблеме. Его апологеты призывают отказаться от мощного и, как его скептически характеризуют авторы упомянутой

выше монографии, «унифицированного» метода. И таких псевдоисследований мы обнаружили великое множество. Вал предложений и методик борьбы за возвращение детей в семьи производит впечатление хаоса. Поэтому нам кажется, что реальное дело устранения причины болезни и настоящей заботы об оздоровлении организма Страны Идеальных Мечтателей подменяется опасной практикой. Почему моя Лаборатория пришла к такому выводу? Потому что принятая в Стране система борьбы с сиротством даёт обратный эффект. В эту отрасль вовлечены огромные финансовые средства и человеческие ресурсы, но кризис института семьи при этом только углубляется. Достаточно сказать, что ежегодно армия брошенных на произвол судьбы детей увеличивается примерно на 120 тысяч человек. Выходит, что система создана не для решения проблемы сиротства, а для собственного процветания за счёт разрастания проблемы.

3. Что же представляет собой эта двусмысленная система? Каков отлаженный в течение десятилетий механизм отторжения детей от нормальной жизни?

Система до смешного проста. Ребенок, по той или иной причине потерявший родителей (оставленный мамой-отказницей в родильном доме или изъятый из семьи алкоголиков, наркоманов, безработных, криминальных элементов) и

официально признанный сиротой, определяется в дом ребёнка (если малышу меньше трёх лет) или в детский дом-интернат, где и проживает до совершеннолетнего возраста, позволяющего детдомовцу получить паспорт и вместе с ним — права гражданина. Правительство Страны Идеальных Мечтателей предоставляет взрослым возможность забирать ребёнка из социальных учреждений. Есть четыре формы устройства детей в семьи: усыновление, опека, приёмная семья и патронат. Оптимальной формой решения проблемы детей-сирот считается усыновление. Бытует мнение, что для ребёнка это самый комфортный путь: он становится полноправным членом семьи со всеми правами на её имущество. Это очень важно, так как владение имуществом остаётся одной из самых болезненных проблем, вызывающей глубокие конфликты в обществе. Но при усыновлении бывший детдомовец теряет сиротские льготы, не может, например, рассчитывать на выделение государственного жилья, льготное поступление в институт и т. д. Кроме того, этот путь сложнее психологически, и требует больше душевных сил от усыновителей и самого ребенка. Поэтому усыновляют в Стране мало — около 8000 детей в год.

Опека и приёмная семья — самые популярные формы семейного устройства детей. Опеку или

одну из её форм — попечительство — обычно оформляют родственники детей. Приёмная семья — это практически то же самое, что и опека, но с той разницей, что опекуна не назначают, а оформляют через договор, и чаще всего это не родственник, а посторонний человек. Приёмным родителям государство выплачивает пособие, а сироте полагается отдельная жилплощадь. Из устроенных в семьи детей под опекой находятся почти 80 %.

Главная проблема опекунов и приёмных семей в том, что, сдав им детей, государство устраняется от дальнейшего участия в судьбе ребенка. Роль органов опеки сводится к надзору, а не к помощи. Приёмных родителей предупреждают: если они сами не справятся с воспитанием ребёнка, его отберут и вернут в детдом. Опеку интересуют в основном бумажные отчёты, а на деле нужно постоянно контролировать, как ребенок развивается, как он учится, каково его психологическое состояние. Но опека этими вопросами не занимается. Эксперты моей Лаборатории подтвердили, что у опеки много недостатков, и в первую очередь в сфере поддержки приёмных родителей и приёмных детей. По данным Лаборатории 20 % опекунов — люди старше 70 лет, а 40 % — от 50 до 60 лет. Почти 40 % опекунских семей, которые изучили наши эксперты, живут в крайней бедности: у детей нет условий для игр,

занятий, нет даже нормальной еды.

Четвёртая форма возвращения детей в семьи — патронат. Это самый интересный и, по признанию экспертов, наиболее продуктивный способ решения проблемы сиротства. Патронатная (фостеровская от английского глагола to foster — «заботиться») семья — основная единица патроната, на которую возложена функция возвращения ребёнка-сироты в общество. Смысл патроната в том, что ответственность за ребёнка несут и патронатные (приёмные) родители, и детдом. Дети при этом живут не в интернате, а в семьях. Патронатные (приёмные) родители проходят курсы патронатных воспитателей и получают специальные знания и навыки работы с детьми-сиротами. На содержание ребёнка патронатный воспитатель получает утверждённую государством сумму, плюс к этому зарплату, так как является сотрудником детского дома. Одна из тонкостей патроната (собственно, она и вызвала неприятие его официальными структурами) — это прозрачность системы взаиморасчетов патронатного воспитателя и государства. Нет места для воровства. Форму патронатной семьи впервые попытались внедрить в Стране Идеальных Мечтателей более 12 лет назад. Помощь фостеровским семьям оказывали специалисты детдомов, они брали на себя выполнение всех

юридических, правовых, медицинских, финансовых и многих других функций, необходимых для нормальной жизни сирот. Приёмные же родители занимались исключительно воспитанием ребёнка, то есть его возвращением к нормальной жизни в обществе. Отдельно отмечу главный принцип, лежавший в основе деятельности фостеровских детдомов: не будущие родители выбирали себе ребёнка, как некий товар, а специалисты подбирали подходящие семейные пары для встречи с конкретным ребёнком-сиротой, готовили их к этой встрече и к дальнейшей совместной жизни со сложными, но далеко не потерянными детьми. Успех был очевиден. В целом в Стране через патронат за это время прошли более 4000 детей, 95 % из них живут теперь в семьях, или кровных, или новых.

Но после того как в 2008 году в Стране был принят закон «Об опеке и попечительстве», в котором о такой форме, как патронат, уже не было ни слова, в столице Страны и в регионах стали отказываться от этой практики. Указание расторгать договоры с патронатными воспитателями поступило в ряд регионов из так называемого Министерства здравоохранения и социального развития, которое курирует работу детских домов.

В стенах даже самого прекрасного детского

дома невозможно воспитать полноценного человека. Ссылка на положительный опыт детских домов после Большой Войны 1941-45 годов неграмотна. Дескать, из их воспитанников вышли замечательные, талантливые люди. Но не надо забывать о разных причинах появления сирот тогда и теперь. В годы той войны дети лишались родителей по объективным причинам: боевые действия, голод, оккупация. Не было необходимости лишать кого-то родительских прав вследствие хронического алкоголизма или наркомании. В наши дни ребёнок-детдомовец, лишённый свободы вслед за своими асоциальными родителями, практически никогда не сможет влиться в жизнь. У него не хватит ни социального опыта, ни элементарных знаний, хотя бы пользования бытовой техникой, городским транспортом, посещения магазинов, семейной жизни и т. п. Это так называемый «синдром Маугли». Любопытен следующий факт. В некоторых регионах уже создаются реабилитационные центры для выпускников детских домов. То есть в Стране сначала легитимно разрушают психику ребёнка в стенах казённого учреждения, а потом тратят деньги на реабилитацию 18-летнего молодого человека. Порочность такой системы объясняется не только нехваткой государственных ресурсов, но и

нерациональным их использованием, отсутствием информации о формах поддержки и жизнеустройства сирот, коррупцией в органах опеки и попечительства, недостатками законодательства, регламентирующего преимущество прав и законных интересов детей-сирот. Главное же следствие всего этого — уродливое развитие личности ребенка в описываемой мной системе опеки и попечительства (до 90 % сирот-детдомовцев попадают в маргинальные круги общества, 10 % совершают суицидальные попытки). Потери в нравственном, социальном и экономическом аспектах Страна Идеальных Мечтателей несёт невосполнимые.

4. Негативную роль в этом процессе сыграло отсутствие у многомиллионного населения Страны элементарного духовного фундамента. Или, лучше сказать, его зыбкость. В основе зарождения жизни лежит дух, он изначален, он же направляет действие материи. Духовные богатства накапливаются и сохраняются в поле культуры и религии. Культура и религия оплодотворяют людской опыт, делают его животворным и спасительным. Моя Лаборатория пришла к выводу, что в настоящее время под влиянием многих обстоятельств эта истина исторгнута из ментального поля нации, как чересчур многозначительная, назидательная и, очевидно,

непривлекательная. На первое место вышла идея материального благополучия, главной целью людей стало достижение денежного, вещевого, продуктового богатства, сытости и комфорта. Причём, любой ценой. Поэтому у тех, кто всё-таки пытался спасти брошенных детей и делал всё, чтобы хоть как-то расшатать порочную систему, нашлось слишком много противников.

Ситуация, когда все борются с бедой, но она от этого только разрастается, стала иррациональной. В Стране Идеальных Мечтателей возникла почва для очередного взрывоопасного проекта. Скорее всего, никакого умысла в этом не было. Но это не исключало отрицательного саморазвития ситуации и впоследствии использования её в негативных целях. Лаборатория под моим руководством заинтересовалась предполагаемым «проектом» и очень быстро обнаружила наличие такового.

5. В прошлом году появился детский дом «Башня счастья», привлекий внимание экспертов моей Лаборатории. Насторожило то, что Пространственно-Временные Коридоры (ПВК), обычно доступные для соприкосновения с тем или иным реальным объектом, оказались умело заблокированы. Интернат существовал, но его как бы не было. Информация о «Башне счастья» стекалась к нам только из государственных органов

опеки и попечительства. Но насколько она была достоверна? Мы знали о количестве детей-сирот, размещённых в интернате, о его работниках, были в курсе нормативной стороны его деятельности, но выяснить, кто эти работники, откуда появились дети-сироты и что на самом деле происходит в стенах детдома, мы долгое время не могли. Возникло подозрение, что это, возможно, и есть тот самый опасный «проект», внедряемый на территории Страны Идеальных Мечтателей с неясной целью. На тот момент оставались не выявленными авторы «проекта», его проводники и методы их работы. Эксперты получили задание: не прибегая к Академическим техникам (которые всё равно давали сбой из-за блокировки ПВК), собрать максимум информации о «Башне счастья». Результаты двухмесячной работы оказались успешными. Ключевым стал контакт с неким лицом, получившим секретный гриф «Никодим». «Никодим» предложил нам ознакомиться с основными известными ему параметрами заинтересовавшего нас «проекта», поставив условие: навсегда вывести его за пределы Глобалия и сохранить в тайне его имя. Условие мы безоговорочно приняли.

Наши наихудшие прогнозы подтвердились. Страна Идеальных Мечтателей оказалась объектом внимания Лиги Стабильности, осуществляющей

эксперименты по так называемой программе «Свёртывание». Цель программы — консервация потока Времени, что по замыслу Лиги в идеале должно было сначала привести к деформации Пространственно-Временных Коридоров, далее — к их разъединению, захвату над ними власти, а потом — к перепрограммированию ПВК. Длительное время Лига подыскивала условия в Глобале, необходимые для реализации «проекта». Наконец, они были найдены. Неловкие попытки руководства Страны Идеальных Мечтателей разрешить проблему детей-сирот, явное непонимание исторической аксиомы, что разрыв связей между предшественниками и прямыми потомками немедленно приведёт к общей деградации и государственной катастрофе, оказались как нельзя кстати. Лига решила использовать ситуацию в своих целях. «Проект» был детально разработан, тщательно засекречен и принят к осуществлению. Его создателем явился Рео Ги Ланц, Председатель Лиги Стабильности. Построив здание интерната и зарегистрировав его в Министерстве здравоохранения и социального развития как «Центр коррекции особо одарённых детей-сирот», Лига собрала под его крышей юных талантливых ребят, действительно потерявших родителей. Расчёт был прост: одарённые дети, забывшие родителей, станут основателями новой

генетической популяции, в которой начнут аккумулироваться идеи избранничества, преимущества жизни вне отчего крова, превосходства над предпочитающими соборность обывателями — что и приведёт к апологии разрыва всех семейных связей, а потом — к культурной, национальной и нравственной деградации всей Страны Идеальных Мечтателей.

Но вскоре Лига поняла свою ошибку. Она заключалась в том, что дети, утратившие родителей, тем не менее, не теряли надежды вернуться в родной дом и поэтому никогда не могли выступить в роли субъектов, призывающих к разрушению. Одиночество вызывало у таких детей не рост чувства превосходства над своими сверстниками, имеющими родителей, а наоборот — скрытое и постоянно растущее желание найти своего отца или свою мать во что бы то ни стало. Генетические связки с живущими родителями делали таких детей практически неуправляемыми и непригодными для достижения задуманного Лигой коллапса.

Лига сменила тактику. Незаконно вскрыв Пространственно-Временные Коридоры, сотрудники Лиги сместили Хроно-Ментальную Шкалу всей Страны Идеальных Мечтателей на три десятилетия назад, в результате чего Прошрое и Настоящее сегодняшнего взрослого населения

Страны стали существовать независимо друг от друга. Уместно сравнить их с двумя колоссальными циферблатами огромных часов, размещённых на одной оси, но вращающимися параллельно и с разными скоростями. Далее с одного из воображаемых циферблатов (Прошлое) были изъяты модули-дети ныне реально живущих некоторых особенно талантливых взрослых субъектов (то есть те же взрослые, но существовавшие 30 лет тому назад ещё в качестве детей) и перемещены на другой циферблат (Настоящее). Тем самым Рео Ги Ланц добился промежуточной цели «проекта». Во-первых, появились талантливые дети, не знающие своих родителей, то есть сироты без врождённого стремления найти родных в отличие от реальных детей-сирот. Во-вторых, сами взрослые не испытывали никакой тяги к этим искусственным сиротам, так как последние были для них чуждым и нежелательным элементом, то есть и те и другие стали чем-то вроде отталкивающихся однополярно заряженных частиц. Этот дуэт отлично вписался в общую атмосферу отторжения, царящую в Стране.

Таким образом, в «Башне счастья» появилась ещё одна группа одарённых детей, которые на самом деле сиротами не являлись, но по всем документам проходили именно как реальные беспризорники. Корпоранты Лиги, заявленные как

руководители детдома: проектрисса Креора Эн Жар (директор интерната Эльвира Мухтаровна Остроградская) и проектант Хига Ун Югр (заместитель директора Серафим Диомидович Швов) начали работу с сиротами, разделёнными на две категории:

а) «роднецы» — дети настоящих потерянных родителей, неудачное начало проекта «Свёртывание»;

б) «повторники» — псевдосироты, дублирующие живущих сейчас взрослых, но не имеющие с ними никакой генетической связи, а являющиеся просто их детскими копиями или детьми-модулями.

Такова была информация, поступившая к нам от «Никодима». К работе моей Лаборатории срочно подключились Отдел разблокирования и Архив деконструктивных систем. После совместной аналитической деятельности сведения о негативном замысле Лиги были полностью подтверждены. Сразу же вслед за этим мы приступили к разработке программы «Миссия «Одиночка», направленной на разрушение проекта «Свёртывание».

6. Что же представляет собой программа «Миссия «Одиночка»?

Было решено, что один из воспитанников Академии Реконструкторов должен проникнуть в интернат «Башня счастья» под видом талантливого

ребёнка-сироты и, следуя проектному листу, выполнить следующие пункты:

а) наладить контакт с «роднецом» Макаром Макаровым (15 лет, тяга к литературному творчеству, отец М. Макарова живёт в городе Железнодорожном, работает журналистом в местной газете);

б) детально разобраться в структуре «Башни счастья», проанализировать технологии, используемые Лигой, установить, кто из воспитанников интерната взаимодействует с корпорантами Лиги, и постараться сдружиться с ними в роли детдомовца, определённого на проживание в интернате;

в) в связке с М. Макаровым организовать группу воспитанников детдома (состоящую из «роднецов»), способных к поиску своих родителей; обнаружить свободные выходы в Пространственно-Временные Коридоры и подготовить ребят к переходу;

г) для связи с Академией использовать трансмиттер «Магический Кристалл», безукоризненно следовать всем инструкциям, разработанным для программы «Миссия «Одиночка».

Исполнителем «Миссии «Одиночка» был избран реконструктор первого уровня Диль А, в данный момент наиболее подготовленный к

подобной работе воспитанник Академии; его данные хранятся в Картотеке Академии и сейчас переведены в Личный Архив Ректора. Возможно, исполнителю иногда придётся действовать без дополнительных санкций Академии. Как Наставник реконструктора Диля А, я беру на себя ответственность за все проявленные им творческие инициативы и в свою очередь сделаю всё возможное, чтобы предотвратить случайные ошибки и помочь исполнителю успешно выполнить программу по разрушению проекта «Свёртывание» Лиги Стабильности».

SAPIENTI SAT¹

Когда новоиспечённого детдомовца распределили в комнату к Макарову, у Диля даже ёкнуло сердце от такого неожиданного попадания. Директриса интерната Эльвира Мухтаровна Остроградская, миниатюрная блондинка среднего возраста, улыбчивая, с загадочными тёмно-серыми глазами и приятными ямочками на щеках, сама проводила его к двери с овальной табличкой «9» и предупредительно пояснила:

— Гриша, ты будешь жить с очень

---

¹ Человеку понимающему — достаточно (*лат.*).

интересными ребятами. Немного хулиганистыми, но добрыми и сообразительными. Я надеюсь, что вы быстро найдёте общий язык и подружитесь. Они будут тебе очень рады.

Когда Диль отворил дверь и шагнул внутрь, в комнате было пусто. Две кровати с деревянными резными спинками стояли изголовьями к окну, неплотно задёрнутому лёгкими шторами с арлекинами шоколадного цвета, вызывающими воспоминание о крепком кофе и подогретых тостах из бородинского хлеба. Пол был застелен дорогим ковром с вытканными на нём фигурками людей и бородатых козерогов. Люди танцевали, а козероги смотрели на них, вытянув шеи и устремив рога к небу. Позы танцоров и зверей не повторялись. Вероятно, в рисунке таился какой-то смысл, возможно, глубокий и мистический, но вряд ли доступный для поверхностного понимания. Обе кровати были тщательно застелены. Вообще, порядок в комнате «9» был образцовый, совсем непривычный для места, где обитают мальчишки. Тем более, «хулиганистые», как их назвала директриса. Диль решил пока не заморачиваться предположениями и догадками, а разумно предоставить обстоятельствам течь свободно и выстраиваться в естественный рисунок. В конце концов, его задача — вписаться в имеющийся узор, а не увлекаться преждевременной аналитикой.

Остроградская ободряющее похлопала Диля по плечу, улыбнулась и ушла, плотно прикрыв за собой дверь.

Мальчик подошел к окну и раздёрнул шторы. Отсюда, со второго этажа, открывался широкий вид на интернатовский двор, ограниченный с восточной стороны невысоким кирпичным забором, укрытым за стволами лип, к которым тянулась тень от жилого корпуса. Весь этаж огибал балкон, на который можно было выйти прямо из комнаты через высокую дверь из массивного стекла, забранного в крепкую раму из хорошо отполированного тёмного дерева. На окне и балконной двери были латунные ручки в виде распластавшихся на траве козерогов. Позы лежащих зверей тоже не повторялись.

Еще одна кровать располагалась ближе к двери. Сидя на ней, можно было рукой дотянуться до небольшого письменного стола, на котором стояла настольная лампа, прозрачная ваза с сухими цветами, магнитола «Шарп» и ноутбук «Асер». Диль понял, что эта кровать — спальное место для него, не вполне удобно расположенное, почти на проходе. Удобные уже были заняты соседями. Правда, стол отделял лежавшего на кровати Диля от любопытных взоров мальчишек, что можно было считать некоторым достоинством. Диль почувствовал, что очень устал. Он пошёл в

душевую комнату на этаже, принял тёплый душ, переоделся в пижаму и завалился спать.

Соседи появились в комнате только под вечер, они весь день провели в Москве на каком-то плановом медобследовании. Диль их прихода не слышал, так как в это время находился уже далеко от «Башни счастья».

Впрочем, сказать здесь «далеко» можно было с той же степенью точности, как сказать о морской пучине «глубоко». В том и другом случае больше подходило слово «исчез». Когда корабли тонули в океанских глубинах, в газетах писали, что корабли исчезали. В этом слове оставалась надежда. Возможность если не вернуть пропажу, то хотя бы абстрактно и художественно помнить о ней. Ясно, что так люди отделяли себя от реального ужаса всемогущей природы. Представить, что стальной многотонный лайнер, сожранный стихией, медленно и безвольно погрузился в холодную пропасть и теперь мёртвым обломком лежит где-то на многокилометровой глубине, было практически невозможно. Толща воды, неизвестно из чего слепленное дно, изуродованные чудовищным давлением людские тела, скользкие не то рыбы, не то монстры... бр-р, даже подумать страшно! Исчез корабль — и всё. Бесследно канул в мир, где нет кошмаров, а есть только грустные воспоминания. Отделившись от этой непостижимой реальности,

погасив в сознании неприятные образы, можно было жить дальше.

Допустим, что слово «исчез» примирило нас с загадочным миром, в который отправился Диль. Во сне мальчик почувствовал, как нагревают кисть руки часы с пластиковым браслетом. Сфера сновидения, в которую было замкнуто его сознание, наполнилась мягким теплом, которое одновременно выуживало сознание из сна и в то же время укачивало и убаюкивало лежавшее в постели тело. Как только две этих составляющих достигли одинаковой температуры и сбалансировались, они разделились. Тогда Диль вынырнул в серебристое, мерцающее пространство и увидел перед собой каменную лестницу, поднимающуюся к тёмной, похожей на бархатный занавес, двери. Он легко взбежал наверх и встал перед дверью. Чёрный бархат волнообразно шевельнулся, и мужской голос сказал: «Входи, Диль А!» Подросток оглянулся. Сонная сфера, которая отпустила его на волю, покрылась изнутри туманом и зависла в серебристом облаке, чутко подрагивая, как поплавков на воде. Там, внутри этого поплавка, остались интернатовская комната и кровать со спящим на ней Гришей Мухиным. Диль приподнял руку с часами и сдвинул ремешок на четыре деления. Часы опять стали чёрным браслетом с вкраплённым в него бирюзовым кристаллом.

«Скорее!» — потребовал голос. Подросток повернулся к двери и открыл её.

Через секунду он оказался в уютном кабинете Наставника. Приятная, домашняя атмосфера создавалась двумя чёрными кожаными креслами, необъятным столом, заваленным книгами, и большим камином, отделанным тёмным мрамором, с широким карнизом, на котором стояли внушительные золотые часы и потемневший от времени глобус. В глубине камина горел огонь, поленья тихо потрескивали и, казалось, о чём-то перешёптывались. На крохотном столике, сплетённом из бамбуковых волокон, практически спрятанном между внушительными креслами, стоял глиняный кувшинчик с коротким боковым носиком — курильница в восточном стиле, украшенная тонким волнообразным узором синевато-ржавого цвета. Из курильницы по комнате растекался лёгкий аромат корицы, стиракса и камеди. Мальчик любил бывать здесь, слушать бормотанье огня в камине, сидеть в потёртом кожаном кресле, вдыхать пряные запахи, вести неспешные беседы с Наставником и чувствовать себя едва ли не избранным воспитанником Академии Реконструкторов. Ещё бы, сам великий Зед Ош Гартс, сорокалетний мудрец и умница, которого в аудиториях слушают затаив дыхание и морща от напряжения лбы, позволяет Дилю приходить сюда

и внимать поучениям с глазу на глаз. То есть без запретов познавать то, к чему другим воспитанникам путь пока ещё заказан. Эта мальчишеская мнительность, насчёт избранности и первенства, самым лучшим образом питала влюблённость подростка в свою судьбу. Диль обожал Академию. Он спал и видел себя реконструктором второго уровня. Таким ученикам разрешалось самостоятельно выбирать себе «Миссию» и щеголять уже двумя именами. Сейчас Диль обладал только одним, после которого, правда, произносилась многообещающая буква «А», как поощрение и намёк на возможное скорое возведение в следующую степень иерархии. Что греха таить, он был на хорошем счету в Академии. Его врождённая способность хитроумно использовать приобретённые здесь знания и умения в своих интересах, как, например, маленькая игра с прошлым и настоящим Майи Сизифовны Кожан, подкармливала его смелость и прозорливость. А эти качества поощрялись. Реконструктор не может быть глупым и трусливым, тормознутым и нерешительным. Он сознавал, что от Наставника не ускользает его самодеятельность. Но справедливо полагал, что ему записывают её скорее в плюс, чем в минус. Отчитывают за риск, но молча одобряют его поиски и творчество.

Зед Ош Гарте приветливо улыбнулся и кивнул

на кресло. Диль скромно поклонился, и остался стоять, как бы не смея уравнивать себя с Наставником в данной ситуации. Он был срочно вызван, следовательно, подразумевался отчёт реконструктора перед Наставником. Отвечать лучше всего стоя. Форма гарантирует благосклонное приятие возможного содержания. Ну и к тому же, плюхнуться в кресло, будучи наряженным в глуповатую сине-зелёную пижаму из мягкой байки, которую мальчику выдали в интернате, казалось неуместным. Зед Ош Гартс зябко потёр ладони, хрустнул пальцами — этот не очень приятный физиологический трюк он исполнял всякий раз, когда бывал взволнован, — откашлялся и чётким движением поправил большие очки в роговой оправе, делавшие его глаза неуловимыми за толстыми линзами. Качнувшись телом, он упруго поднялся с кресла и вплотную подошёл к мальчику. Он был одного роста с учеником, но голова его была гораздо крупнее и благороднее, вероятно, из-за пышной каштановой шевелюры и задранного вверх острого, аристократического подбородка. Голос его звучал внушительно и спокойно, как у доктора, принимающего пациента, чей диагноз ему давно известен и не кажется опасным.

— Допускаю, что ты удивился, услышав моё требование немедленно прибыть в Академию. Но

ситуация осложнилась, причём, по твоей инициативе. Ты меня понимаешь?

Диль насторожился. Честно говоря, виноватым он себя не чувствовал, объяснить свой поступок «очищения» прошлого Майи Кожан через «устранение» палача Руди Шварца он мог очень просто, на самом деле это был не первый случай в его учебной практике, но Зед Ош Гартс явно намекал на что-то другое. Подросток старался предположить, на что именно, но ничего на ум не приходило. Диль зажмурился, втянул ноздрями любимый пряный аромат, сейчас показавшийся чересчур назойливым, и виновато вздохнул. Зед Ош Гартс рассмеялся.

— Знаешь, что самое забавное в любой ситуации? То, что принятое нами решение всегда оказывается вторичным по отношению к решению, которое кто-то успел принять до нас. Мы можем нечаянно подыграть ему, но оказаться впереди него никогда не сможем. Это нереально, так же, как угадать, какой именно уголёк вспыхнет в следующую секунду в костре. Ведь он вспыхнет раньше нашего предположения о точке вспышки, но абсолютно в согласии с нашей уверенностью, что рано или поздно это произойдет. Поэтому уследить за отставанием трудно. Сбивает с толку знание о будущей вспышке. Костёр горит, мы понимаем почему, нам знаком физический процесс,

общий поток скрывает незнание его деталей.

— Софистика. Неубедительно.

— Возможно. Я на всякий случай продемонстрировал тебе тщетность твоих логических построений.

— Зачем?

— Всё очень просто. Запихивая свою выдуманную логику в естественную логику любой истории, мы теряем из виду её развитие и принимаем за неё не всегда связанные между собой случайные события. Ведь мы всего лишь стоим у костра и наслаждаемся его жаром.

Наставник на два шага отошёл от Дилия и негромко хлопнул в ладоши. В глубине комнаты со звоном открылась матовая, непрозрачная стеклянная дверь и вошла хрупкая светловолосая девушка лет восемнадцати. Мягкой, крадущейся походкой она подошла к Наставнику и замерла, скромно потупив взор.

— Будьте любезны, Ама, принесите Дилию халат и обувь, — вежливо обратился к вошедшей Наставник. — И заварите нам чаю.

Девушка бесшумно выскользнула из комнаты. Буквально через пару минут Диль закутался в уютный махровый халат, надел кожаные сандалии с ремешками в виде золотистых молний и забрался в кресло, держа в руке высокий бокал с душистым чаем из шиповника. Наставник опустил в кресло

напротив мальчика и тоже начал потягивать чай из бокала.

— Ама — кто она? — спросил Диль, чтобы убить паузу. — Новая ученица?

— Моя племянница. Возможно, со временем станет ученицей. Мы можем продолжать?

Диль хотел подняться, но Наставник остановил его жестом. Тогда мальчик поглубже втиснулся в кресло и попытался расслабиться. «Мне ничего не грозит, — успокаивал себя Диль. — Гартс не имеет права отменить «Миссию», а визита Ректора, который на это способен, видимо, не предполагается. Что ж, послушаем без паники...»

— Итак, ты осложнил своё положение, которое заведомо было не из лёгких. Обнаружив свои сверхспособности перед этой наивной чиновницей из опеки, ты совершил ошибку. Не роковую, но необязательную. Мы посчитали нужным вызвать тебя в Академию, чтобы предупредить о возможных последствиях.

«Неправда, — мысленно возразил Диль. — Что дальше?»

— За эту ошибку тебе ещё придётся расплачиваться, Диль А. От расплаты тебя не сможем оградить ни мы, твои учителя, ни, тем более, ты сам. Положение глупое. Думая, что, переписывая прошлое женщины, ты ставишь её в зависимость от своих возможностей, на самом деле,

ты поставил себя в зависимость от совершенного поступка.

— Я всё продумал, реконструируя её прошлое.

— Не всё.

— Что же я упустил?

— Одну щекотливую деталь.

— Какую?

Наставник ничего не ответил. Он откинулся на спинку кресла, склонил голову вправо и выдвинул острый подбородок по направлению к мальчику, словно призывал того самого вспомнить совсем простую вещь, которую мог забыть только наивный и неискушённый профан. Левая линза толстых очков сверкнула, отразив короткую вспышку пламени в камине. Диль поставил бокал с чаем на бамбуковый столик, поджал ноги под кресло, упёрся локтями в ляжки и весь подался вперёд. Поза его выражала сосредоточенность. Прошло полминуты в молчании.

— Я ничего не вижу, — наконец разочарованно выдохнул Диль. — Опека, маленькая девочка, якобы убитая опекуной мама девочки, страх, презрение к окружающим как способ заглушить совесть и избавиться от своей вины, нелюбовь к детям и потом — ежедневное вранье, выдаваемое за службу на пользу людям. Чем не бедняга Руди Шварц, рубящий головы жителям

Бамберга за их же собственные деньги и трусливо ожидающий неминуемого возмездия?

Наставник выбросил ладонь вверх, на уровне плеча; это был его любимый жест, за которым обычно следовало нравоучение, приближающее ученика к истине. Голос его зазвучал плавно, то повышаясь, то понижаясь на каждой коде:

«Dum loquimur,
fugerit invida
aetas: carpe diem,
quam minimum credula
postero».

— Ну да, Гораций, — согласился Диль. — «Carpe diem» — это какое-то устойчивое выражение, стало крылатой фразой. Не помню, что оно значит...

— «Пока мы говорим, уходит завистливое время: лови момент, как можно меньше верь будущему», — перевёл стихотворение Наставник, выделяя ударением слова «лови момент» и «будущее».

— Точно, «лови момент», — Диль выпрямился и растеряно поскрёб в затылке. — Простите, Наставник, но я вас не понимаю. Что произошло? Очевидно, я что-то сделал не так?

— *Rôle-mêle*, всего понемногу. Короче говоря,

ты ошибся. Вместо того чтобы действовать согласно инструкции и следовать правилу: лови момент беспечного настоящего и спокойно в нём осуществляйся — ты устроил показуху с завистливыми временными пластами, даже не обезопасив самого себя от такого разрушительного пустячка, как женская истерика. Ну, ещё бы! Герой, титан, Персей, Гектор! «Ваш враг уничтожен. Клубок старых ниток распутан. Вам теперь свободно и легко, как когда-то в юности», — процитировал Гартс реплику мальчика из его разговора с чиновницей-опекушкой. — Пижонство, самолюбование, экстаз неопита, впервые услышавшего на лекции о «тоху» и «боху». От тебя я этого не ожидал.

«Если Гартс вызвал меня в Академию только для того чтобы устроить мне разнос за моё самоуправство, то я не понимаю главного, не улавливаю того, что на самом деле взволновало Наставника, — соображал Диль, пользуясь паузой; Гартс как будто увлёкся чаем и напрочь забыл о мальчике. — Допустим, я тупой как пробка. Допустим, меня нужно ткнуть носом в дерьмо. Допустим, что Наставнику больше нечем сегодня заняться и он резвится от скуки. Допустим, он предполагает, что я быстро раскушу его манёвр и тоже подключусь к его игре. Допустим. Но что из этого следует? Скорее всего, только то, что как

только я начну играть по предложенным мне правилам, я вообще ни черта не пойму в происходящем. То есть нелепая интрига закручена ради умножения нелепости? Стоп, стоп, стоп! Значит, это просто очередная проверка на вшивость? Если я поверю в серьёзность происходящего, я проколюсь по полной? Ничего себе, академики! Они что, будут проверять меня вплоть до решающей схватки с Креорой Эн Жар?»

Зед Ош Гартс давно уже поставил пустой бокал на миниатюрную бамбуковую столешницу и сидел, опершись правым локтем на пухлый валик рукоятки кресла и безмятежно прижавшись щекой к собранной в кулак кисти. На поджатых губах его готова была родиться улыбка. Диль быстро прочитал эту позу как провокационную насмешку и решил, что раскусил несложную игру полностью.

— Вы сообщили Ректору о моей ошибке?

— Нет.

— Меня отзовут с «Миссии»?

— Нет.

— Тогда зачем весь этот цирк? Меня могут хватиться в «Башне счастья», начнут искать и всё испортят.

— А тебя уже там ищут.

— Кто?

— Думаю, что на поиски бросился тот, кому чиновница-опекунша рассказала о своём

приключении в автобусе.

— Остроградская? Креора Эн Жар? Кожан не такая дура, чтобы выставлять себя в идиотском свете перед коллегами и начальством.

— Во-первых, Остроградская никакая не коллега Кожан, а корпорант Лиги Стабильности — проектрисса Креора Эн Жар, выполняющая проект, который мы и запланировали сорвать с твоей помощью. Проектриссе не нужен рассказ о случившемся, чтобы знать, что именно случилось. Это ты понимаешь, не так ли? Во-вторых, есть одна «щекотливая деталь», о которой ты, увлѣкшись играми с Пространством и Временем, даже не вспомнил. Пятнадцать лет назад у Майи Сизифовны умер грудной ребёнок, мальчик, Никита Кожан. Мы точно знали, в какой Жизнесфере он находился и чем был занят. Но тебе удалось перебаламутить все слои и смешать в густую толпу отслеживаемые нами эгрегоры. Никиту мы потеряли. Остроградская почувствовала, что у нас произошёл сбой, и кинулась прощупывать все слои наобум. Нет, пока она не нашла никаких подозрительных следов. Но почуяла, что в «Башне счастья» появился чужак. Опасный чужак, которого нужно поскорее обнаружить и обезвредить. Как ты думаешь, на кого она в первую очередь обратит своё внимание?

Диль вдруг понял, что, не став ещё

реконструктором второго уровня, уже попал в главные действующие лица «Миссии».

— На меня.

— Вот поэтому ты здесь. Чтобы Креора начала суетиться и совершать ошибки. *Rôle-mêlé*.

Внезапно Диль почувствовал ледяную струю, ткнувшую его ниже левой ключицы. Словно под грудную клетку ему засунули кусок холодного стекла, который стал давить на сердце, шершаво елозить по рёбрам и даже как будто потрескивать от напряжения, грозя разлететься вдрызг на десятки осколков и засорить всё тело мелко рассеянной смертью. От неожиданности он выпучил глаза и лицо его исказила гримаса, содержание которой лучше всего передаёт беспомощный лепет: «Мамочка!»

— Что случилось? — Зед Ош Гартс сел прямо, снял очки и наклонился к мальчику. — Что происходит?

Испугавшись, Диль попытался вскочить на ноги, но как только он остался без опоры в виде кожаного кресла, ноги его безвольно подломились и он ничком рухнул на пол. Снизу, в каком-то нереальном ракурсе, он увидел бросившегося к нему Наставника и тут же очень близко его лицо: пронизанные розовой сетью сосудов матовые белки глаз, чёрные увеличенные зрачки и густые брови, похожие на изогнувшихся коричневых

гусениц. Наставник что-то кричал или шептал: Диль ничего не слышал. Ему мешал дикий треск стекла у него под рёбрами. Треск заглушал все остальные звуки и предвещал что-то страшное и неотвратимое. Невероятным физическим усилием подросток подтянул к груди колени, обвил их трясущимися руками, свернулся калачиком, съёжился и замер.

В тот же миг стеклянный треск прекратился, холод сменился жаром, а потом мягким теплом. Стали слышны шорох огня в камине и прерывистое дыхание Гартса. Диль расцепил руки, глубоко вздохнул, словно проверяя, целы ли грудная клетка и рёбра, потом осторожно лёг на спину и с наслаждением вытянулся. Левая босая нога, с которой соскочила сандалета, ткнулась в подножье второго кресла. Через пальцы ног Дилю передалась успокоительная, солидная плотность кожаной обивки. Диль даже потёрся ногой о кресло, чтобы успокоиться; в этом движении было что-то органически естественное, инстинктивное, животное.

Наставник навис над лежавшим на полу мальчиком и спросил его тихо-тихо, усиленно шевеля губами, словно хотел, чтобы кроме подростка никто не услышал этого вопроса:

— На что это было похоже? Вспомни, пожалуйста! От этого зависит... чёрт знает сколько

от этого зависит!

— На смерть.

Гартс отодвинулся и сокрушённо покачал головой. Потом он нацепил очки, поднялся, помог Дилю встать на ноги и аккуратно подвёл его к креслу. Как только мальчик опустился на мягкое кожаное сиденье, Наставник подал ему бокал с остывшим чаем, хрустнул пальцами и быстро заходил по кабинету. Диль поднёс бокал к губам, но пить чай не стал. До него вдруг дошёл страшный смысл только что произнесённого им слова.

— Ничего не бойся, — громко сказал Наставник. Он стоял в дальнем углу кабинета, скрытый полумраком, и поблёскивал оттуда стёклами очков. — Тебе нужно срочно возвращаться. Игра не начинается с гибели одного из игроков. Это первая атака, предупреждение, попытка запугать и дезориентировать соперника. На самом деле, ты достойно вступил в игру. Первым ход сделал ты, а не тот, кто сейчас психует, потому что хотел бы оказаться первым и перехватить инициативу. Но опоздал.

Диль быстро вскочил, поставил бокал на столик и одним движением скинул халат на кресло. Зед Ош Гартс не шагнул мальчику навстречу, чтобы попрощаться, а наоборот, ещё глубже отступил в темноту.

— И ещё. Прошу тебя, не забывай главное

правило: любое действие всегда вторично. Все поступки замкнуты в кольцо, они являются точками идеальной окружности, не имеющей начала и конца. Вернее, состоящего из бесконечного числа начал и концов, постоянно перетекающих из одного состояния в другое. Разобраться в их последовательности очень сложно. Поэтому прежде, чем решаться на поступок, — Диль услышал неприятный хруст пальцев, — мысленно представь себе это кольцо и постарайся понять, какая точка была или будет началом, а какая — концом на нужной тебе дуге этой равнодушной и бесконечной окружности. Главное, не перепутай их снова.

ВЕЧЕРНИЙ ПРАЗДНИК

Было около семи часов вечера. Проснувшись и опять никого не обнаружив в комнате (что за странные соседи-невидимки, подумал Диль, одеваясь и прислушиваясь к топоту ног в коридоре — это педагоги выводили детей в интернатовский двор, где вот-вот должен был начаться праздник). Выскочив на улицу, подросток сразу попал в руки бойкой девушки-массовика, руководившей построением.

— Быстрее, быстрее! — звонко кричала девушка и ловко расталкивала детей по отведённым

им местам. Увидев нерешительного худого подростка, который явно был не в курсе, куда ему становиться, она ухватила его за плечо, развернула вправо и, толкнув в спину, расхохоталась: «Вот курица варёная! Новенький. Беги в первую шеренгу, в центр, там вся твоя комната!»

Духовой оркестр, занимавший добрую половину двора, играл задорно и даже нахально. Музыка словно мяла и толкала слушателей, то придавливала их к земле, то подбрасывала вверх. Корнет-а-пистон резал воздух горячими взвизгами, ухал геликон, тромбоны и трубы гнали на зрителей стадо разбушевавшихся звуков. Они как будто уже растоптали все клумбы, растрепали деревья, оглушили небо и теперь в диком вихре кружились вокруг толпы детдомовцев, гостей и начальства. Музыканты, одетые в красные фраки и чёрные манишки, были похожи на сердитых и весёлых жуков, опьяневших от собственной удали. Они закатывали глаза, выпячивали груди, раздували щёки и одновременно качали головами в ритм мелодии. Дирижёр, крохотного роста старикан с кучками седых волос надо лбом и разъехавшимися в разные стороны от восторга глазками, дёргался всем телом, сучил правой ножкой и пихал воздух в сторону музыкантов двумя ручками: раз-два, раз-два, раз-два... Одна мелодия сменялась другой, полтора десятка детей, выстроившихся шагах в

десяти от оркестра, зачарованно смотрели на музыкантов и молчали. Диль, стоявший в первом ряду между горбатеньким лысым парнем с бескровным лицом и очень высоким мальчиком, не выпускавшим руки из карманов брюк и покусывавшим нижнюю губу, словно измученный какой-то невысказанной мыслью или едва сдерживаемой эмоцией, внимательно наблюдал за происходившим.

— Не нравится мне всё это, — вдруг сказал высокий мальчик. — Опять будет базар.

— Здорово режут! — хихикнул горбун. — Хочешь сигаретку?

Высокий кивнул. Оба парня на секунду спрятались за спиной у Дили, послышалась возня, щелчок зажигалки, затем повисла короткая пауза. Мелькнул и тут же унёсся прочь лёгкий аромат дыма. Соседи выпрямились. Курили они ловко, заглатывая дым так, что его не было видно вовсе. Оркестр заиграл «Риориту». Старичок уже не дирижировал, а пританцовывал вдоль шеренги музыкантов. Высокий покосился на Дили и спросил:

— Хочешь затянуться?

— Я так не умею, — улыбнулся Диль.

— Ещё настропалишься. Тут всего нахватаешься, — высокий дёрнул плечами, словно отгоняя навязчивое насекомое или неприятное

воспоминании, потом сплюнул и внезапно протянул руку. — Макаров. Макар.

Диль пожал сухую и очень горячую ладонь.

— Мухин Гриша. Кликухи пока нет.

— Макар — это имя. А фамилия — Макаров. Кликуху ещё заработать надо. Я вот пока не заработал.

— Тише! — предупредил горбун. —
Остроградская!

Мимо детдомовцев аккуратными быстрыми шагами прошла директор интерната «Башня счастья». Женщина внезапно остановилась, вернулась к мальчикам и внимательно посмотрела на Дилья. Оркестр задорно гремел, блондинка стояла напротив Дилья и ласкала его улыбкой. Казалось, что она ждёт комплимента или приглашения на танец. Диль напрягся. Остроградская звонко рассмеялась и улыбнулась ещё шире.

— Как ты себя чувствуешь, Гриша? — Остроградская чуть склонила голову вправо и кивнула, словно заранее ждала от парнишки положительного ответа. — Я очень рада, что вся девятая комната, наконец, в сборе. Тебе у нас нравится?

— Ну да, — ответил Диль. — Я только не люблю духовую музыку.

— Дальше будет интересней, — пообещала блондинка и ушла.

— Кто бы сомневался, — тихо сказал ей вслед Макаров.

Остроградская подошла к дирижёру и что-то ему объяснила. Старикан кивнул, нарисовал руками круг в воздухе и замкнул его снизу. Оркестр послушно умолк, музыканты подхватили инструменты подмышки и убежали куда-то в сторону. Прошло не больше пяти секунд, и из тишины, возникшей после бурного духового пиршества, стали вытекать естественные звуки. Зашелестела листва на деревьях, прорезались кашель, смех и разговоры людей, родился отдалённый лай собаки и цвеньканье птицы в глубине сада. Директриса опять посмотрела в сторону мальчиков, стоявших в первом ряду, и поманила к себе пальцем. Лысый парнишка счастливо ойкнул, бросил окурок в траву и побежал к блондинке, на ходу утирая рот и облизывая зубы.

— А что сегодня с тобой было? — прошептал высокий и скосил взгляд в сторону Диля.

— Когда сегодня?

— После полдника. Я пытался тебя разбудить, хотел познакомиться, а ты даже не шевельнулся.

— Наверное, я просто крепко спал. Много событий в один день. Зачисление в интернат, новые ребята, новый дом, я устал, как собака. Лёг в кровать — и вырубился. Упал в яму.

— Странно.

— Что странно?

— Мне показалось, что на самом деле тебя там не было, в кровати. Чепуха какая-то... Ладно, не хочешь, не говори.

Дилю этот разговор не понравился. Значит, Макаров уже подозревает Диля в обмане. Или, даже если и не подозревает, то наверняка насторожился. Значит, контакт с ним пока невозможен. Придётся повалить дурака, чтобы этот высоченный меланхолик, узнав правду, в припадке восторга не выдал себя и, главное, не засветил Диля. Чёрт! Какая осечка в первый же день в этой замороченной «Башне счастья»! С другой стороны, если бы Наставнику не приспичило вызывать Диля в Академию для профилактической разборки, ничего бы и не было. Никаких подозрений и никакой бессмысленной оттяжки.

Диль ещё раз прокрутил в голове ход своих размышлений и понял, что он наткнулся на верное слово: оттяжка. А что если она не была бессмысленной, а очень даже своевременной и расчётливой? Тогда зачем? И что её спровоцировало? Диль мысленно перенёсся в первую половину дня. Приезд в детский дом, знакомство с учебными классами и территорией. Так. Потом обед, потом общее собрание, посвященное вечернему празднику, потом обустройство в комнате, где жили ещё двое

пацанов: Макаров и этот горбатенький с лысой головой, Костя Бляхин. Дальше... Дальше он уснул, кристалл переместил его по приказу Наставника в Академию, а потом вновь вернул в интернатовскую комнату, Потом было стремительное пробуждение и торопливые сборы на вечерний праздник. Всё!

Как ни странно, но эта небольшая реконструкция событий только усилила тревогу и потому заставила Диля ещё плотнее зацепиться за воспоминание о мимолётной незапланированной встрече с Наставником.

— Смотри, какая красота! Ты что, не слышишь? Опять упал в яму?

Нет, на этот раз это была не яма. Диль оставался на поверхности, видел и слышал всё, что происходило во дворе интерната. Просто сейчас для него одновременно существовали две реальности, словно светились экраны двух телевизоров. Он слышал то, что сказал Макаров, даже мотнул головой, как бы попросив нового знакомого не пороть чепухи и не мешать ему наслаждаться зрелищем. В то же мгновение он продолжал вспоминать встречу в Академии. Воспоминание должно было помочь ему связать в одну цепь события сегодняшнего дня и определить своё положение на магической окружности, вдоль которой растянулась эта цепь. «Мысленно представь себе это кольцо и постарайся понять,

какая точка была или будет началом, а какая — концом на нужной тебе дуге этой равнодушной и бесконечной окружности», — вряд ли это была просто изысканная синтагма. Это был совет Наставника, в котором тот просил Диля не принимать всё происходящее за чистую монету. В каждом факте следовало искать скрытый, так сказать, эзотерический смысл. Начало могло оказаться финалом, белое — чёрным, смех обернуться слезами, искренность — замаскированной ложью, а жизнь — смертью. Или наоборот. Из этого следовало, что реальность обманчива, до успеха ещё очень далеко, поэтому чтобы не попасть впросак и не выдать себя с головой, надо взять себя в руки, спокойно следить за разворачивающимися событиями, а предчувствие скорой удачи убить в зародыше и больше к нему не возвращаться.

Тем временем праздник разгорался. В сгущающихся летних сумерках рождалось что-то загадочное. Вспыхнули софиты, расставленные рабочими в серых комбинезонах вокруг той самой площадки, где недавно играл весёлый духовой оркестр. Сочный электрический свет заставил синий вечерний воздух ожить и отпрыгнуть вверх и вширь, к небу и к кирпичному забору. Трава засверкала изумрудами и бирюзой. А липы, толпящиеся у ограды, залились антрацитом,

растопырили ветви, надулись и словно уснули. Откуда-то сверху, из парящей темноты, на гостей и детдомовцев полились нежные звуки скрипок. Щемящая мелодия была неуверенна, словно кто-то одинокий и маленький шёл по хрупкому льду, опасаясь провалиться. Скоро робкую, жалобную кантилену скрипок подкрепили альты, виолончели и контрабас. В мелодии появились торжественность, чувственность и холодная тревога. Мелодия раскачивалась вверх и вниз, словно оркестр колебался и никак не мог переступить опасную, но желанную грань. Печально вздохнул гобой, ожил кларнет. Маленький робкий путник преодолел покрытую льдом реку и вышел на берег.

Это было вступление к опере Вагнера «Лоэнгрин», магическая и печальная музыка. Она полностью противоречила живому летнему вечеру, была настороженной и угрюмой, как потемневший от времени памятник, строгой, девственно-порочной и намекающей на что-то ломкое, хрупкое, очень далёкое и даже страшное. Присутствующим показалось, что земля, скользкая и коварная как речной лёд, уплывает из-под ног. Повеяло холодом, словно навстречу живым людям из склепа выходили обитатели могил и гробниц, покрытые, как инеем, паутиной тления, прозрачные и стылые, распространяющие вокруг себя облака

холодного пара. От диатоники жизни и смерти веяло гипнозом, все присмирели и затихли, словно одурманенные неожиданным сочетанием мрака и света, тепла и ледяной свежести.

— Как будто стекло под рёбрами. Лопнет, и крышка, — прошептал Диль.

— Что? Какое ещё стекло?

— Я видел такой сон. Сейчас вспомнил.

Макаров уставился на соседа, неприятно сощурился и вдруг спросил:

— Ты, случайно, не шиз?

— А ты?

Подростки замолчали. Макаров от неожиданного отпора, а Диль от своего рискованного вопроса. Оба были похожи на двух лопоухих идиотов, забредших в незнакомый двор и вляпавшихся, кажется, в какую-то гадость. Наконец, Макаров выбросил окурок, опять сунул руки в карманы брюк и отвернулся. «Катись ты», — буркнул он себе под нос. Это была маленькая стычка, больше похожая на приправленное любопытством перемирие.

«Белое — чёрное, начало — конец, ссора — дружба, — пронеслось в голове у Дилия. — Главное, ничего не перепутать».

Музыка торжествовала. Холодные обитатели преисподней двигались живей, внутри тел клокотала кровь, глаза сверкали, лица стали

вдохновенны и мужественны. Они выходили во двор широким фронтом, они были непобедимы и злы — духовая и струнная секции, барабаны и рожки. Оркестр грянул тутти. Шарахнули литавры. Земля, деревья, воздух и свет завибрировали, готовые взорваться непредсказуемым фейерверком. Зрители замерли, раздавленные прессом вагнеровской звуковой мистерии. Никто и не заметил, как тутти сменила дрожащая струйка скрипок, как сошла на нет музыка и как в центре залитой молочным светом поляны возникла Остроградская. Она спокойно улыбалась и внимательно разглядывала собравшихся. Все очнулись, наваждение отпустило взрослых и детей, ужас отступил, всем очень захотелось услышать живой, человеческий голос. Эльвира Мухтаровна выдержала гроссмейстерскую паузу, собрала внимание и, наконец, заговорила:

— *Memento vivere!* «Помни, что нужно жить», — сказал великий Гёте. Поэт отверг холодную истину *memento mori*.² Жизнь всегда побеждает смерть, это самая счастливая истина. Мы собрались на праздник, чтобы доказать свою влюблённость в эту гуманную аксиому. А, значит, и в счастье. Ровно год назад был построен и открыт

---

² Помни о смерти (*лат.*).

наш интернат. К нам приехали первые дети-сироты. Они не знали своих родителей. Не вкусили радости семейного быта, не помнили аромата своего дома, нежного тепла материнской руки и ласки отцовского голоса. Подумать страшно: сейчас в стране катастрофически увеличивается число сирот и количество детских домов. Говорят, что такого не было ни пятьдесят, ни сто лет назад. Более тысячи интернатов стали гнёздами для выращивания почти миллиона бездомных птенцов. Сирот всё больше, всё больше приютов и детских домов. В разрастании этой опухоли, этого страдания есть что-то мистическое. Мы решили противостоять этому хаосу. С чего начать, думали мы? Ведь каждый мальчик или девочка хранят в себе зерно исключительности. Все дети талантливы. А что если хорошо потрудиться и раскрыть их таланты, и тем самым укрепить связи детей с миром? Соткать из гениальных нитей прочную человеческую ткань любви и взаимопонимания? Когда ребята вырастут, они понесут свои таланты в этот мир. Зерно, посаженное в добрую почву, даст росток и взойдёт крепкой порослью, несущей благословенный плод. И тогда случится чудо. Необыкновенные плоды, выращенные в нашем интернате, со временем дадут гениальные семена, из которых прорастут новые плодоносящие растения, и опустевшая земля покроется со временем изобильным садом. Мы

постарались и собрали под крышей нашего волшебного дома полтора десятка талантливых детишек. У каждого из них особый дар. Кто-то посвящает себя математике, кто-то астрономии, кто-то рисованию, кто-то сочинению стихов и прозы. Наши педагоги воспитывают и поощряют необыкновенных детей. Лелеют эти талантливые всходы. Прошёл год. И он подтвердил, что мы избрали хоть и нелёгкий, но правильный путь. Однажды ко всем нашим воспитанникам, ко всем людям в нашей стране придёт счастье.

Дальше директор интерната заговорила тише. Чудо, но шёпот её был слышен в каждом уголке интернатовского двора, с этим шёпотом словно резонировали трава, деревья и рассыпанные по фиолетовому куполу неба первые робкие звёздочки. Глаза женщины покрылись жаркой поволокой, на висках и переносице появились бисеринки пота, кисти опущенных рук мелко задрожали и крохотные пальцы стали растирать невидимую пыль. Мало того, что вид Остроградской стал загадочен и соблазнителен, словно её изнутри сжигали какие-то запретные желания и великое искушение. Одновременно речь её стала туманна и образна, как речь колдуна или факира. Остроградская шевелила губами, жгла глазами лица собравшихся, и всем становилось до дрожи боязно, хорошо и сладостно. Смысл выступления

директрисы был уже, кажется, никому не важен. Никто и не следил за ним. Всем было очевидно, что счастье рядом, оно почти уже здесь, вот-вот высунет лукавую мордочку из-за чёрных деревьев и выскочит на изумрудную поляну.

— Оно родится из слов и чисел, мыслей и дел, прошлого и будущего, наше счастье, — продолжала Эльвира Мухтаровна. — Сегодня к нам в интернат приехал ещё один талантливый мальчик, Мухин Гриша. Вот он среди нас, стоит в первом ряду, обычный подросток. Но он необычен так же, как каждый из вас. В чём заключается его сила, его талант, вы узнаете немного позже. Пока же давайте поаплодируем ему. Встретим его улыбками и аплодисментами, чтобы Гриша почувствовал, что все мы ждали его.

Двор взорвался овацией. Хлопали в ладоши все, при этом никто не повернулся в сторону Дилия. Мальчик осмотрелся и убедился в том, что на самом деле он, видимо, никого не интересуется. Били в ладоши выстроенные в два ряда детдомовцы, заученно стучал ладонями Макаров, сосредоточенно аплодировали, важно оттопырив локти, дяди и тётки, судя по всему — приглашённые из Москвы администраторы и чиновники. Над двором висели исступлённая удадь, жеребьячий восторг и хмельная одурь.

— Вас, обитателей «Башни счастья», теперь

пятнадцать человек. В этот праздничный вечер открою секрет. 15 — волшебное число. С него начнётся новая жизнь в нашем доме. Дорогие гости! Хлебосольные хозяева! Любимые мои ребята, мальчики и девочки! Давайте не будем грустить, попробуем улыбнуться. Так уж вышло, что мы с вами стали свидетелями большой беды, накрывшей страну. Нам говорят, что беда пришла неизвестно откуда. Нас убеждают, что одолеть её невозможно. Какая чепуха! Несчастье отступает перед теми, кто его не боится. Для тех, кто имеет железную волю, всякая беда, притворяющаяся катастрофой, апокалипсисом, мрачным концом, рано или поздно станет комичным фарсом. Микробом, чьей-то фантазией превращённым в носителя смертельного вируса. Мушкой, раздутой до размера слона. Зачем же в испуге бежать от того, что меньше тебя и слабее? Поверьте мне, что в наших силах справиться с этой придуманной, но ставшей такой важной в результате паники и бегства от неё, бедой. Её саму следует напугать. Улыбками, радостью, храбрыми и вдохновенными поступками. Я знаю, что наша с вами «Башня счастья» обратит в бегство притворщицу-беду. «Башня» станет арсеналом победного оружия, необходимого для схватки с несчастьем, названным кислым словом «сиротство». Отсюда, подобно рыцарям в железных доспехах, вооружённые мечами радости и копьями